

Живое слово

В наше время всюду слышатся требования от людей образованных живого слова. Его требуют от церковного проповедника, от государственного человека, обязанного говорить в законодательных собраниях, от профессора и адвоката, от общественного деятеля, заседающего в думах, земствах и других учреждениях, — даже от людей, обязанных произносить застольные и другие приветствия и речи.

Между тем понятия об этом столь желательном роде слова у нас неопределенны и смутны. В теории и в учебниках словесности и даже в высших руководствах красноречия вообще, и церковного в особенности, на этот род слова встречаются только неопределенные указания и намеки, руководящие образцы живого слова указывают только у ораторов древности, а из нашего времени только в парламентских речах знаменитых государственных людей Европы. Между тем, при желании иметь и у себя ораторов с живым словом в устах мы не употребляем надлежащих средств для их воспитания. Приемы, какие начинают ныне употреблять кое-где в наших учебных заведениях для приучения воспитанников к живой речи, вообще робки, не отличаются той уверенностью, какую должна иметь верная и основанная на опытах теория всякого рода образования.

Ораторов этого рода, появляющихся в нашем Отечестве, можно назвать самородками и самоучками. Учиться у них можно только через подражание им; но как надо учиться, — и они сами не решаются указать этого в порядке, да и ученики не могут связать и обосновать свои наблюдения на каких-либо началах, или законах, требуемых всякой правильной, разумной деятельностью. Подобные требования достигаются общими усилиями людей ученых, или возводятся на степень системы науки, проверяются опытом и обращаются в правила и руководства. Только при этих условиях можно готовить и всегда иметь в своей стране ораторов с живым словом, в противном случае появление их всегда будет только счастливой случайностью, и наши желания найти их всегда будут обращены в пустое пространство.

Мысль, нами высказываемая, заслуживает особенного внимания руководителей в деле нашего духовного образования еще и потому, что случайно, или лучше сказать, неожиданно появляющиеся у нас на церковной кафедре ораторы с живым словом большей частью оказываются в трудном и ложном положении. На них часто смотрят как на выскочек и людей с претензиями, им строго обращают в вину замечаемые в их речах недостатки, не взяв прежде на себя труда при воспитании определить, указать и предупредить недостатки, могущие встречаться в устных речах у лучших и даровитейших из образованных людей. Самый закон наш не дает защиты столь естественным проповедникам учения Христова: на церковную проповедь не писанную нет разрешения в наших законах, и сами написанные проповеди подчинены цензуре. Поэтому, каждый из наших проповедников-импровизаторов может трудиться только под защитой и личной ответственностью местного Преосвященного; в противном случае всегда может попасть под суд. Между тем как, если желательно иметь таких проповедников, нужно их готовить в учебных заведениях, испытывать, когда они являются сами собой в зрелом возрасте вследствие пробудившейся способности и желания принять на себя этот род проповедей, и снабжать дозволениями и аттестатами. Тогда упреждены будут возможные случайности и даже опасности, каких справедливо можно бояться.

Тогда мы будем знать ораторов аттестованных, отличенных особыми рекомендациями по своим дарованиям; узнает их и народ, и поднимается внимание общества как к ораторскому искусству вообще, так в особенности к церковной проповеди, что так нужно в наше время.

Все это приводит нас к убеждению, что нам нужно поставить дело образования ораторов с живым словом также в ряд наук или искусств, как образование мыслителей, писателей и разного рода художников. В древности это обучение ораторов стояло на высокой степени совершенства. Риторы, особенно даровитые и опытные, всегда имели у себя учеников, которых для адвокатуры и государственной службы обучали по преимуществу живому слову.

Известно предание о свт. Иоанне Златоусте, что он учился красноречию, — под которым по преимуществу разумелось живое слово, — у знаменитого язычника ритора Ливания, который и высказал о своем ученике такой отзыв: “был у нас оратор Иоанн, но христиане его у нас похитили”. И известно как утешались в свое время и доселе утешаются христиане живым словом этого великого своего оратора, которое дошло до нас в записях скорописцев. При особом устройстве христианских государств после падения Римской империи и при обращении внимания, главным образом, на обучение книжное, и само ораторское искусство в христианском мире издавна обращено на составление по правилам науки речей писанных, а речи живые, или как ныне говорят, импровизации почитались лишней роскошью.

Но вот время вызвало потребность в них и указало их важное значение в общественной жизни, и особенно в христианской проповеди, требуемой ныне и в храмах, и в особых благочестивых собраниях, и в частных беседах; и нам приходится опять указывать на блестящее образование древнего мира, от которого не перешло к нам искусство живого огненного слова, как не перешла тайна греческого огня. Но это не освобождает нас от обязанности начинать самим и это дело, как начато в свое время собственно христианское просвещение, как подняты наука и искусство по образцам классической древности.

Нам скажут, что блестящие ораторские дарования демосфеновские, Цицероновские, Златоустовские всегда составляли большую редкость, что поэтому едва ли стоит устанавливать целую систему приготовления ораторов, когда придется долго ждать и может быть не дожидаться нужных для этого искусства блестящих дарований. Но это опасение напрасно. Отыскиваем же мы в глухих лесах и горах золотые прииски; промываем же мы тысячи пудов земли, чтобы добыть один золотник чистого золота, а при этом не пренебрегаем и менее ценными металлами и разными камушками, составляющими также отрасль богатства страны. Таково должно быть и искание и разработка ораторских талантов.

Блестящие ораторы всегда составляют честь народов, и оставляют по себе живой след в их жизни и истории, ораторы средней руки и даже не бойкие при постоянном труде и благонамеренности, всегда производят благотворное влияние на народные массы, особенно в деле церковной проповеди, которую мы по преимуществу имеем в виду. При самом возникновении просвещения в нашем отечестве, стоявшего под руководством иностранцев, первый великий ученый и поэт из нашего народа — Ломоносов — высказал крайне крепкое убеждение, что

*Будет собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.*

Платоны и Невтоны, благодарение Богу, ныне у нас уже есть, хотя собственно получили известность между ними только наши “Невтоны”, а “Платоны”, при забросе отечественной философии с самого ее возникновения, проходят незамеченными, но тем не менее они были и есть, что скоро будет доказано на деле. Почему же не надеяться, что будут и свои Демосфены и Златоусты? Надо их поискать!

Не упустим из внимания и еще одно весьма важное побуждение к учреждению у нас правильного приготовления ораторов. Все ныне жалуются на скудность и бесплодность проповеди

со стороны нашего наличного духовенства. Жалоба справедливая; но тут те, которые эту жалобу с особенной силой высказывают, не договаривают главной причины упадка нашей проповеди.

Винят школу этой проповеди, поддерживающую в ней сухость, отвлеченность, устарелость форм и приемов и т.п. Все это имеет свою долю правды, но не решает вопроса окончательно. Основная причина малопродуктивности нашей церковной проповеди есть недостаток в нашем духовенстве необходимых для успешной проповеди дарований. Знаменитые проповедники, как митрополит Филарет, архиепископ Иннокентий Борисов и многие другие, — суть только исключения. По самым законам природы, в нашем духовенстве, вследствие давнего обычая замкнутом в одно сословие и составляющем сравнительно по численности своей самую малую часть нашего народа, не может являться много блестящих дарований. Великие таланты и гении всегда были и будут произведением (если так можно выразиться) жизненных сил целых народов; у всех народов они считаются единицами. Но, не говоря уже о гениях, и замечательные таланты в достаточном числе являются только в обширных областях народной жизни, а не в тесных кружках известных небольших сословий. Этого никто не может оспаривать. Как же вы хотите, чтобы наше духовное сословие дало для церковной проповеди потребное количество таких редких дарований, каковы ораторские? В последнее время эта причина скудости в людях, служащих церкви по призванию, и недостатка дарований отчасти понята: сословная замкнутость духовенства законом (но еще не обычаем) разрушена, двери в священную ограду служения Церкви отворены для людей всех сословий. Но много ли прибыло в Церкви, со времени этого нового закона, даровитых священнослужителей и проповедников? В эти отверстые двери все больше ушло из духовного сословия даровитых людей на иные поприща общественной жизни, чем прибыло. Так и всегда будет, потому, что в образе жизни православного духовенства нет ничего такого, что бы манило людей даровитых из мира и его выгодных родов деятельности на служение церкви: ни богатства, ни власти, ни блестящего общественного положения. Положение православных епископов, почетное по наружности, требует столько самоотвержения и сопряжено с такими трудами и лишениями, особенно по отношению к обычным, так называемым, радостям жизни, что ныне мало охотников оставлять блестящее светское положение, как было в древней Церкви, и обрекать себя на это многотрудное служение. Чем же здесь решается дело? Действительно, призванием, но что такое призвание? Оно есть не что иное, как естественное побуждение человека избирать тот род деятельности, к которому позывают, на который неукротимо влекут и двигают природные дарования, требующие проявления, развития, деятельности. Так решается вопрос призвания поэтов, живописцев, музыкантов, воинов и проч. Это несомненно доказывается жизнеописаниями замечательных людей во всех родах человеческой деятельности, трудившихся по призванию и оставивших памятники своих трудов. Что же решало искони и будет всегда решать призвание человека на служение Церкви помимо механического движения по рождению и воспитанию? Главнейшим образом, широкое и высокое поприще учительства и проповедничества, открывающее в Церкви наилучшее и питательнейшее употребление ораторских талантов. Если певец и музыкант ищут многолюдных собраний и наилучших условий для того, чтобы пленять и властвовать сердцами людей силой своего таланта, то где для таланта ораторского более обширное и плодотворное поле деятельности сравнительно с церковной кафедрой? Отвлекать умы людей от житейской мелочной жизни к созерцанию высших истин, отрывать сердца от рабских плотских привязанностей и направлять их к чистым радостям духовным, снимать с душ человеческих тяжелые цепи своекорыстия и себялюбия и возводить их к духовной свободе любви и самоотвержения, вызывать напряженное внимание благоговейных слушателей, исторгать из очей их слезы духовной печали, умиления и радости, — не это ли, по преимуществу, может призывать и привлекать истинные ораторские таланты к свойственной им деятельности? Вот чем в древности Церковь привлекала и похищала от мира или со светских поприщ знаменитые ораторские таланты. Правда, для этого нужно, как было в древности, чтобы христианские семейства целого народа давали детям лучшее христианское образование и

воспитание, чем какое дают у нас ныне; но с другой стороны надобно и нарождающимся талантам давать возможность почувствовать и осознать себя. У нас не было бы своих ученых, если бы не было училищ и других научных учреждений; не было бы художников, если бы не было академии художеств и проч. У нас нет ораторов, потому, что люди с ораторскими талантами живут и умирают, не зная какими дарами наградил их Господь.

Мы видим ныне ораторов в адвокатуре, говорящих на все лады, как кто может и умеет, видим и на церковной кафедре ораторов, связанных научными правилами сочинений, а ораторов со свободою художественного представления истины, с властным влиянием на сердца человеческие силой изображения красот добродетели и человеческого совершенства, с чарующим словом в устах, — мы можем только еще желать.

Но желать мало, — надо таланты отыскивать, воспитывать и выводить в свет. Будут они на поприщах общественной жизни, будут на кафедрах церковных. Будет и способ похищать их из мира для служения делу Божию, так как истинный служитель и художник слова сердцем почует простор и широкое поприще для своей деятельности на кафедре церковной.

Здесь мы встречаемся с вопросом, который непременно зададут нам наши читатели: чего же мы хотим? Не хотим ли мы, чтобы в наших учебных заведениях, в классах словесности и высшего красноречия, учреждаемы были особые кафедры для преподавания теории живого слова, или чтобы наши ораторы, имеющие по времени сознать или заявить себя художниками в своем деле, открывали у себя, как было в древности, частные аудитории для обучения путем теории и практики желающих тому роду красноречия, о котором мы рассуждаем? Отчего же было бы и не желать того и другого, но мы знаем, что такое желание у нас ныне, пожалуй, по господствующим предрассудкам, будет принято также, как триста лет назад было бы принято желание учредить университеты, клиники, обсерватории, консерватории и проч. Хотя история свидетельствует, что из нашего великого народа, поглощающего в себя всякие народности, возможно ожидать и всяких дарований, и, хотя, с другой стороны, не имей мысли, не дойдешь и до дела, не начни дела, не увидишь и его развития и совершенства; но позволяя себе эти мечты, мы высказываем в сущности более скромное намерение и цель в надежде, что и намерение наше никому не покажется странным и цель недостижимой.

Вот мысли, которые мы желали бы пустить в обращение в нашем образованном обществе с надеждой, что они не будут лишними и не останутся бесплодными.

А). Мы знаем, что при достаточном образовании, которое получает у нас ныне духовенство, хотя и не в большом количестве, оно имеет способности к живому слову, но они остаются без движения по робости, по недостатку указаний и по незнанию существенных отличий живого слова от слова писанного и первых практических приемов в проповеди этого рода.

Мы видим, что в нашей духовной литературе начинают появляться советы духовенству относительно приучения себя к устной проповеди, советы, не отличающиеся верностью указаний и опытностью. Мы желаем вывести этот важный предмет на более широкое поле в нашей литературе — не только духовной, но и светской для обсуждения и, по возможности, всесторонней разработки как с теоретической, так и с практической стороны.

Для этой цели решаемся высказать о нем и свои наблюдения, разумеется без всяких намерений выдавать их за безошибочные и совершенно зрелые и верные.

Б). Во всех учебных заведениях ныне принято приучать учеников к передаче содержания уроков свободною речью, своими словами: это прием верный и весьма полезный для развития в молодых людях живости мысли и развязности в слове.

Здесь кроется самый верный способ с раннего детства замечать в молодых людях ораторские таланты: нужно только наставникам не упустить из вида цели — открывать эти дорогие способности.

Затем делаемые в этом роде наблюдения сообщать наставникам собственно словесных наук, предлагать им проверять сделанные другими наблюдения и принять развитие у юношей замеченного дара слова на свое особое попечение.

В). Преподавателям словесности и высшего красноречия поставить уже в прямую обязанность не только подмечать, но и заботиться о развитии замеченных ораторских талантов. Как развивать их — это и есть предмет, как мы сказали, подлежащий обучению всей нашей мыслящей и пишущей братии, предмет у нас новый и требующий особенного внимания и сочувствия.

Правда, еще не перевелись у нас мыслители, отвергающие все теории словесности и красноречия, которые убеждены, что довольно молодому человеку только последовательно показать образцы слова из истории литературы, начиная от сказки об Илье Муромце до «Бориса Годунова» Пушкина, и талант разовьется самобытно, и удивит мир новыми сторонами человеческого гения. Но так как это тоже теория и так как она дала нам много писателей без логики и грамматики, то мы и надеемся, что эти воззрения отходят уже в область истории наших заблуждений в деле просвещения и не помешают другим заняться предлагаемым нами делом. Мы этого и ожидаем от людей, желающих пользы нашему отечеству и Церкви.

Г). Наконец, мы надеемся, что и само правительство, если дело достаточно выяснится и получится надежда практического его применения в учебных заведениях, не откажет в своем содействии как относительно тщательного выбора в должности преподавателей словесности людей, способных именно к этому делу, так и в открытии им свободы и простора для выполнения их задачи.

К последнему обстоятельству мы относим не только устранение ложных теорий в преподавании словесности, в роде упомянутой, но и прекращение в средних учебных заведениях вмешательства в обучение молодых людей искусству сочинений, — которое по существу дела должно принадлежать одному лицу, — других наставников всевозможных наук, задающих темы, испытывающих на бумаге количество сведений, собранных воспитанниками, но не могущих по самому распределению своих занятий следить за развитием в воспитанниках правильного мышления, связанного изложения мыслей и надлежащего употребления слова. Семь таких няnek не могут правильно развить в молодом человеке ни авторского, ни ораторского таланта: все испытывают, и никто не следит и не исправляет недостатков молодого писателя. А руководить им последовательно в употреблении живого слова, конечно, нельзя тем наставникам, которые воспитанника только видят в своем специальном классе и при своем деле, и получают готовые сочинения на заданные ими темы только для прочтения и постановки балла, причем они и считают себя вправе только следить, как мы сказали, насколько сочинение свидетельствует об усвоении автором их науки, а не за достоинствами литературными.

Но мы полагаем, что не только в этих указанных нами отношениях, но и во многих других будет полезно исследование о такой важной отрасли человеческого дарования и таком сильном двигателе в общественной жизни, как живое слово. Приступим же к самому делу.

I

Что же такое живое слово? Понятие о живом слове могло сложиться во всей полноте и ясности только в христианском мире и, без сомнения, заимствовано из Библии. По буквальному смыслу оно есть слово дающее, возбуждающее и направляющее жизнь. Прежде всего в высочайшем смысле это значение его принадлежит слову творческому: "да будет..." "и бысть..." (Быт. 1, 1 – 24). "Той рече и быша, той повеле и создашася" (Пс. 32, 9).

Та же зиждательная сила слова творческого, какая открылась при создании мира в явлении живых существ по движению мысли и воли Создателя, выраженная неведомым нам способом Его

Божественной речи, — та же сила Господня проявляется на языке человеческом в Св. Писании, именуемом откровенным Словом Божиим, которому всегда присуща благодатная сила Божия, дающая жизнь призываемым ко спасению душам человеческим: «живо слово Божие и действительно» (Евр. 4, 12). Иисус Христос вливает словом Своим жизнь в души человеческие по Божеству Своему, а пророки и апостолы — по благодати Св. Духа, сопровождающей слово их.

В вещаниях собственно пророческих и апостольских слово, произносимое устами человеческими, исходит не от души человеческой, а от Духа Божия, и только орудием человеческого слова передается человеческому слуху: "так глаголет Господь", - возглашали пророки (Ис. 28, 16), "глаголю благодатию, давшуюся мне", - говорили апостолы (Рим. 12, 3); "завещаваю не аз, но Господь" (1Кор. 7, 10).

Прекрасным образом нам изъясняет само Божественное Откровение действия животворного слова Божия на души человеческие: "как дождь и снег нисходит с неба и туда не возвращается, но напоет землю и делает ее способной рождать и произрастать, чтобы она давала семя тому, кто сеет и хлеб тому, кто ест, - так и слово Мое, которое исходит из уст Моих, - оно не возвращается ко мне тщетным, но исполняет то, что Мне угодно, и совершает то, для чего Я послал Его" (Ис. 55, 10-11). И сами провозвестники слова Божия в чувстве объемлющей их благодати и духовной силы слова, которое намеревались произносить, в восторге восклицали: «внимай небо, я буду говорить; и слушай земля слова уст моих. Польется как дождь учение мое, как роса речь моя, как мелкий дождь на зелень, как ливень на траву» (Втор. 32, 1-2).

Животворная сила слова сообщена от Бога и самим людям, в виде им лично усвоенного дара. Дар этот принадлежит, во-первых, верующим во Христа, говорящим от ума, просвещаемого божественной истиной, и от сердца исполненного любви Божией. Такой дар ясно отличает в себе апостол Павел, как собственно ему принадлежащий: «аз глаголю, а не Господь; мнюся бо и аз Духа Божия имети» (1Кор. 7, 12, 40). «Мы же ум Христов имамы» (1Кор. 2, 16).

Этот дар слова естественного, но проникаемого силой благодати и властно покоряющего себе души человеческие, в христианском учении называется духовным помазанием на основании слов св. евангелиста Иоанна Богослова: «и вы помазание имате от Святаго и весте вся» (1Ин. 2, 20). В неизмеримо меньшей степени, но ту же силу жизни имеет и слово человека, как говорится в христианском учении, естественного, т.е. непросвещенного благодатию Христовой, но остающегося с своими только природными дарованиями, и однако же способного иметь любовь к истине и искреннее желание блага человечеству: так как дары Божии, сообщенные человеку при сотворении его по образу Божию и после его повреждения грехом не совершенно им утрачены и не остаются в нем без действия и благотворного движения при доброй воле. Это доказывается добрым влиянием, какое имели на человечество писанные творения и устные речи лучших людей в мире языческом: философов, ораторов, поэтов.

Таким образом, первоисточник животворного слова как и всякого дара совершенного, есть Отец светов (Иак. 1, 17). От его творческой силы сообщается благодатию Святого Духа мощное влияние слову христианскому; но в остатках божественных дарований, сохранившихся в человеке после его падения, кроется живая сила слова, исходящего из сокровища сердца благого, когда не примешивается к тому же слову разрушающая сила сердца злого (Лк. 6, 45).

Каким же образом из этого широкого и общего понятия о живом слове могло образоваться то частное понятие, которое мы обыкновенно соединяем со словом устным, произносимым под влиянием требования обстоятельств в данную минуту?

По существу своему каждое слово в общем смысле есть устное, т.е. исходящее из ума и сердца человеческого посредством особой дарованной человеку способности воплощать и отдельно выражать мысли и чувства по частям и потребности — в звуке, знаке, письменности и проч.

Резкое различие положено между словом устным и писанным только по особой нужде и цели — закреплять и сохранять посредством письмен истины, познания, законы и прочие необходимые для человека средства охранения его духовной и телесной жизни. Нужду эту указали: смены поколений вследствие действующей в роде человеческом смерти; всегда угрожающая способность разрушения людей и отсюда происходящая для человека опасность исказить, а, наконец, и перезабывать, совсем утратить потребные для него сведения и законы жизни. Не будь этого, все бы мы довольствовались одним членораздельным, звуковым устным словом, подобно тому, как довольствовалось человечество в доисторические времена, пользуясь одним устным преданием; разве только разделяющие нас расстояния могли бы навести на мысль об употреблении письмен. Со времени благотворного изобретения письмен явилась и наука книжная, или способ с возможной обдуманностью излагать в письменах истины и защищать их: с возможной силой изображать истину и добро, чтобы они сохранили свое надлежащее влияние на жизнь человеческую, и все это вместе делать таким искусством слова, чтобы самая книга не была забыта людьми, хранилась как сокровище и употреблялась как источник жизни и ума, для сердца и для благоустройства человеческих обществ.

Так образовались различные науки, сочинения, библиотеки и прочее. Но при этом сохранило свою силу и живое устное слово. Оно напоминает о книгах, оно их изъясняет, оно подводит частные явления обыденной жизни под писанные законы жизни, и дробит и разделяет все собранные веками в книгах и преданиях сокровища мысли и чувства, образцы прежде нас бывших добродетелей и великих дел, совершенных лучшими представителями рода человеческого. Устное слово извлекает мудрость из книг, и оно же в народах собирает нужды и способы их удовлетворения, обобщает их и дает возможность ученым людям заносить их в книги. Итак, наибольшая сила жизни принадлежит и теперь, как было до изобретения письмен, устному слову, без него все книги и заключенные в них сокровища останутся мертвым капиталом. Один - писатель - говорит с книгой, или посредством книги с неизвестными ему людьми, другой - устный оратор - говорит с живыми предстоящими ему людьми: один собирает побуждения для своего слова в представлении тех или других случаев, когда его мысли понадобятся людям, другой говорит то, что сейчас нужно; один надеется упредить опасности и провести добро в будущем, другой устраняет опасности угрожающие, или уже появившиеся в настоящем; один предлагает средства для тушения будущих пожаров, другой гасит уже пожирающее пламя; один надеется приобрести благодарность потомства, другой сейчас видит радостные лица людей, им вразумляемых и просвещаемых, и получает высшую награду в их горящих жизнью благодарных взорах. Слово писанное, в лучшем своем значении, есть озеро воды, собранной веками и заготовляемой для будущего; слово же устное есть ключ живой воды, бьющий прямо из источника, журчащий и сверкающий перед глазами путника и с особенной силой манящий его к утолению жажды: поэтому слову устному принадлежит название слова живого по преимуществу, и только в этом смысле мы можем так называть его.

Самое высшее проявление силы и торжества живого устного слова мы видим в первые времена христианской проповеди. Начало этому торжеству положил, конечно, Сам Господь Иисус Христос. До Его пришествия были книги закона Моисеева и пророческие, но они были до того худо понимаемы и ложно истолкованы, что народ иудейский не узнал своего Мессию, Которого ждал столько веков, и Который был главнейшим предметом всех ветхозаветных писаний. Как можно было разъяснить истину, запутанную ложными толкованиями книжников? Как разбить авторитет фарисеев, возобладавших над умами народов? Как восстановить настоящий смысл заповедей Божиих, сохранивших значение богописменного закона, но искаженных примесью предания старцев? (Мф.15, 2).

Писать книги для восстановления истины, в опровержение заблуждений, в обличение ересей? Но все книги опять попали бы в руки книжников: они бы написали другие книги в свою защиту и еще с большим затемнением истины: и когда бы народ выбрался из этой тьмы к свету истины?

Прошли бы века, и человечество не узнало бы Христа в том божественном свете, как знает Его теперь? Но когда с первого слова: «приблизися Царствие Божие: покайтесь и веруйте во Евангелие (Мк. 1, 15) полились из уст Господа «глаголы живота вечного» (Ин. 6, 68), когда вслух целого народа, как гром небесный, разразились обличения на лжеучителей и лжеучение; когда, как пред страшным Божиим судом, раскрылись для всех тайные помышления сердец и обнажилось лицемерие мнимых праведников; когда как ясное небо, во всей Божественной чистоте была явлена страждущему человечеству милость мира и вера (Мф. 23, 23), и все учение подкреплено было благодеяниями силы Божией: не совершилась ли тогда в три с половиной года в умах и сердцах лучшей части иудейского народа победа истины над ложью, какой никогда не сделали бы недоступные большинству народа книги? Следом за этой всемошной проповедью раздалось вслух всего мира слово апостолов, так же подкрепляемое знаменами и чудесами, оно было принято и предаваемо всюду ближайшими учениками апостолов, а затем служителями Церкви, ставшими прежде всего служителями слова. Вместе с этим слово переходило в дело; устраивались церкви, постановлялись законы, учреждались священнодействия, являлись подвижники добродетели и мученики за истину, и жизнь воплотила в себе и закрепила живое слово; и церковное предание, начатое живым словом, но записанное так сказать, деяниями христиан и целых церквей, стало первоисточником христианской истины. В свое время явились и священные книги, оказались нужными и писания отеческие для истолкования Св. Писания и устных преданий, и творения ученые и исторические, — и затем слово книжное опять вступило в свои права, и как служило в века прошедшие, так служит и в наше время, как мы сказали, - "обильным запасом веками скопленной воды".

Что же? Потеряло ли ныне значение свое живое слово устное? Нет, оно остается и должно оставаться всегда во всей своей силе. Заблуждения во все века следуют за истиной шаг за шагом. В те же дни, когда они рождаются, они проникают через слово или разговоры и в жизнь народов. Книги, какие пишутся в их опровержение, бессильны сейчас же остановить губительное влияние заблуждений на наличные поколения: пока напишутся книги, пока распространятся, приобретут себе доверие, прочтутся и получают надлежащее влияние, — лжеучения, разносимые тысячами уст народа, обращаемые в жизнь, успеют сделать столько зла, что никакие книги не успеют уврачевать его. Потомство из последующих книг поймет, какие заблуждения господствовали в известное время, но люди этого времени уже исчерпали на свою гибель все зло, каким наводнили общество лжеучители. Итак, устное живое слово истины должно идти по пятам распространяемых молвой заблуждений: оно должно, так сказать, топтать ногами, гасить все искры зла, угрожающие произвести губительный пожар. Правда, быстрота действия живого слова ныне отчасти заменяется часто выходящими в свет журналами и особенно газетами, но летучие издания в руках людей неблагонамеренных удобнее для распространения лжи и заблуждений, чем истины и добра. Известно, что ничего не стоит в легкой статейке пустить в свет ложную мысль, или огласить соблазнительный случай. Но опровергнуть заблуждение, изобличить ложь, оценить по достоинству вредные для народа рассказы и сообщения, — все это требует обдуманности, труда и времени; так что истинная мудрость взвешивающая каждую мысль и слово, не в силах путем печати следить за распространителями легко сообщаемых возражений, сомнений, порицаний, вредных слухов и соблазнительных деяний.

Это доказывается и ежедневным опытом: посмотрите, как трудно бывает всегда и глубокому мыслителю серьезными статьями в газетах опровергать легко развиваемую ложь, приправляемую притом остротами, полусловами, намеками, нетерпимыми в речи серьезной; посмотрите, как трудно честному человеку в газетах оправдаться перед обществом в возведенной на него газетной клевете; порицание и сплетня легче прилипают к уму и сердцу человеческому, чем входят в них не легко усвояемые истина и добро. Поэтому разумное устное слово везде возможное, часто повторяемое, всегда удобнее для решения вопроса и разъяснения выражений и сомнений, — это живое слово

надобно признать как врачевание зла, разносимого и самими газетами и неблагонамеренными журналами, которые, к нашему несчастью по времени все умножаются и получают большую силу.

Чтобы понять все великое значение живого слова устного, собственно церковного, надобно только вникнуть в истинный смысл установления в Церкви Христовой пастырей и учителей храмов и кафедр церковных.

Какое человеческое учреждение может сравниться с просветительным влиянием на народ церковной проповеди, разумеется, когда она напоминает и ведется церковными учителями как должно?

В нашем отечестве, например, более тридцати тысяч церквей, как готовых народных училищ, еще более того учителей, обличенных авторитетом проповедников Христовой истины и доверием народов, в их распоряжении и дни и часы народных собраний; они могут связать свое церковное слово со всякой беседой личной с народом: и дома, и в поле, и на пути; могут по заповеди апостола “обличать, запрещать, увещевать вовремя и не вовремя” (2 Тим. 4, 2). И, — страшны они с себя этот мертвенный сон безучастия и беспечности, который овладел ныне большинством их, прониклись они только той жалостью к народу, остающемуся без руководства, какая дышит в словах Христа Спасителя (Мф. 9, 36), пойми они всю силу и злокачественность современных заблуждений, оставь устарелые формы речи, неудобные для потребностей минуты, говори они живым словом убеждения и любви, подкрепи свои слова примером христианских добродетелей — чтобы они могли сделать для народа! Одно представление об этом значении живого церковного слова, какое дал ему Спаситель наш в Своей Церкви, способно привести в восторг ревнителя истины и блага человечества. По нашему времени это представление кажется идеальным: но оно не идеально-мечтательное, какое часто составляют себе люди о различных видах человеческой деятельности и совершенства, оно есть точное изображение обязательной деятельности служителей слова евангельской истины, к которому они должны стремиться всеми силами под опасением, в противном случае, осуждения. Благовествование — “необходимая обязанность моя, говорит апостол Павел, и “горе мне, если не благовествую” (1Кор. 9, 16). Сюда, к возбуждению и надлежащему направлению этой деятельности служителей Церкви, должны быть обращены все наши усилия и заботы. Мало у нас в духовенстве дарований, — это наше несчастье: мало усердия к делу, — это наше преступление.

Укажем с большой подробностью дальнейшие черты различия между словом устным и писанным, обнаруживающиеся в практике относительно говорящего и слушателей.

У нас смешивают и одинаково называют живым словом речи, писанные дома, заученные наизусть и потом произносимые в собраниях, — и речи совсем неписанные, иногда только дома обдуманые, или даже на месте, и потом произносимые в собраниях в том порядке и в тех выражениях, какие сложатся у оратора в минуту произнесения.

Надобно отдавать должную дань признательности ораторам, заранее тщательно обрабатывающим и пишущим речи и произносящим их без тетрадки или листочка в руках. Вот преимущества речей, произносимых таким образом.

Когда говорят по тетрадке, то углубление в нее или частое заглядывание скрывает от слушателей лицо и глаза оратора, в которых наиболее выражаются его внутренняя жизнь и сила ощущения, — и тем ослабляют впечатление речи на его слушателей. Искусство отчетливого и сильного выражения мысли в голосе и даже телодвижениях, где они нужны, у оратора связываются тем, что за содержанием речи он постоянно должен обращаться к тетрадке или к листку, который он иногда вертит и мнет в своей руке. Чувствуя себя, таким образом, привязанным к тетрадке, оратор, незаметно обращается в чтеца. Все это вредит полному вниманию и сочувствию слушателей, хотя они по содержанию речи и отдают оратору справедливость, но скорее как мыслителю и писателю, нежели как оратору. От всех этих недостатков в произношении речи свободен оратор, говорящий

наизусть: он беспрепятственно смотрит на слушателей во все стороны, влияет на них одушевлением своего лица и глаз, следит за силой впечатления, им производимого, может усиливать голос и видоизменять его выражение по усмотрению, наконец, свободой и отрешением от тетрадки он обнаруживает силу дарований и присутствия духа, не остающихся без значения относительно впечатления на слушателей.

Такие приемы в ораторах, особенно церковных, весьма желательны. Но при всем уважении к речам, о которых мы говорим, по самому существу дела, мы должны сказать, что это совсем не то, что называется в теснейшем смысле живым, или импровизированным словом. Для опытного слушателя в писанной и заученной речи сейчас видна кабинетная работа; самая постановка вопроса, определение главного понятия, раскрытия частных мыслей, последовательность, гладкая, осмотренная, безостановочно льющаяся речь — все обнаруживает обдуманность и отделанность речи по всем правилам ученых и ораторских сочинений. И это при всей силе впечатления бессознательно понимается даже простыми слушателями: “уж очень все складно”. И это, опять повторяем, мы говорим отнюдь не к унижению таких речей: они в известных случаях необходимы и неизбежны, и строятся по неотложным законам человеческого мышления, но именно самые законы построения таких речей, существенно отличают их от импровизаций. Это мы увидим после, а пока ограничимся двумя замечаниями: попробуйте буквально стенографически, записать самую блестящую им импровизированную речь, произведшую самое сильное, как ныне говорят, потрясающее впечатление, а при чтении отнести к ней с той строгой критикой, с какой вы относитесь к сочинениям, — вы не будете ей довольны: она вам покажется, за очень редким исключением, и не последовательной, и неполной, и нестройной, хотя на своем месте и в свое время она наилучшим образом сделала свое дело. Другой опыт: кто упражнялся довольно в импровизациях и пробовал записывать дома со всей точностью произнесенные им речи, тот знает, что это не только трудно, но даже и невозможно.

Как только он сел за стол, взял перо в руки, он чувствует, что у него в уме начинается совершенно иная работа, иные требования логики и искусства изложения, чем те, какие действовали в его импровизации.

Он чувствует, что жизнь, которой он сам жил при произнесении устной речи, улетает при логическом анализе мыслей: работа становится ему неприятной, и он бросает ее с сознанием великой разности в двух видах речей равно законных, равно нужных, равно имеющих свое достоинство, но совершенно особых, несоединимых вместе и не могущих заменить друг друга. Одно из двух: или пиши или говори, как писанное, с одной заботой — наилучшим образом произнести, — или говори, но тем и ограничивайся на данный случай, при записывании импровизации она обращается в сочинение и перестает быть тем, чем она была.

Если сравнивать речи писанные и импровизированные не по внутреннему их достоинству, а по тому, которая из них в большинстве случаев легче достигает цели, то импровизации в этом отношении имеют своего рода преимущества перед самыми лучшими, заранее обработанными речами. При произнесении речей, заранее составленных, и при тщательном развитии в них и искусном изложении предмета встречаются неудобства, каких легко избегает привычный к своему делу импровизатор. В кабинетной работе, по требованиям логики, оказываются необходимыми доказательства, пояснения, переходы от одной части речи к другой и пр., а при произнесении оратор тотчас замечает, что многое из всего того, что он сделал для удовлетворения своей привычки к требованиям логики и соблюдению правил, предписанных для сочинений, следовало бы изложить короче, иное опустить совсем, потому что в слушателях видно утомление и охлаждение внимания, что то же самое надобно было им сказать проще и прямее, без лишних научных принадлежностей.

С другой стороны, оказывается при произнесении, что ввиду новых лиц, неожиданно появившихся перед кафедрой некоторым мыслителям надлежало бы дать иное направление или особое предложение, или, наконец, в виду разгорающегося внимания слушателей надо бы на иной мысли подольше остановиться или больше разъяснить ее, чтобы усилить впечатление; но при произнесении речи написанной оратор чувствует, что дело уже сделано, дополнять и изменять написанное некогда, остается пожалеть, что то или другое не было предвидено. Но именно жизнь-то такова и есть, что ее движения, переливы, вспышки не могут быть предвидены из кабинета. Все это во время произнесения речи видит опытный импровизатор, он владеет в это время мыслями, чувствованиями и всеми движениями жизни в своих слушателях, и потому именно его слово, при своего рода недостатках, производит более сильное впечатление.

Его речь может быть не так глубока, не так стройна и изящна, как писанная в кабинете, но она близко подошла к жизни, она говорила понятным ей языком, она с ней слилась, и тем направила ее, куда нужно. Такие речи по преимуществу владеют народными массами. Сильное впечатление, производимое ими, поддерживаемое молвой, быстро усиливает значение ораторов в народе, покоряет им умы, делая их любимыми так, что они становятся, как говорится, властителями сердец.

Но есть и еще одна весьма существенная черта, отличающая импровизации от речей писанных, по которой всегда первые имеют особенный интерес и для ораторов, и для слушателей.

Известно, что мышление есть самый трудный вид нашей духовной деятельности. Эта трудность чувствуется и людьми привычными при разработке всякого отвлеченного вопроса, и тем более теми, которые не посвятили себя, исключительно ученой деятельности. Что эта работа не легкая, всегда видно по озабоченности пишущего, по потребности сосредоточиться, освободиться от всякой помехи и развлечения.

Другую трудность после обдумывания предмета представляет его изложение. Это доказывается у большинства писателей медленностью работы, перестановками мыслей и переделками.

Третья трудность представляется в облачении мысли в слово. Ее испытывают даже гениальные писатели, как видно из остающихся после них черновых рукописей, иногда испещренных исправлениями. Все эти трудности, нелегко побеждаемые в кабинете, на свободе и при неспешной работе, импровизатор встречает разом, и притом перед публикой, и иногда в такой торжественной обстановке, которая одна может смутить непривычного человека.

Ему надобно одновременно и производить мысли, и излагать их в порядке и выражать точными словами, соответствующими содержанию речи, чистому вкусу и достоинству собрания. Ему грозит постоянная опасность потерять нить мыслей, перепутать их, не найти приличных для них выражений и избежать слов обыденных, которые ему постоянно подвертываются, но которые не соответствуют ни предмету, ни месту. Прибавьте к этому еще заботу, которой не имеет писатель, работающий в кабинете, — это необходимость сейчас же без остановки, плавно и, по возможности, выразительно произносить речь, рождающуюся и складывающуюся на глазах слушателей. Здесь оратору предстоит не только трудности, но и опасности; а если взвесить угрожающую ему опасность оробеть, смутиться, запутаться, и затем подвергнуться порицанию и насмешкам: то эта опасность окажется страшнее многих других.

Из всего этого понятно, в каком напряжении должны быть все духовные силы импровизатора, особенно когда он не приобрел еще твердого многолетнего навыка. И замечательно, что это напряжение сил, соединяемое с риском, а затем с успехом, сообщает импровизатору особенное наслаждение, импровизация становится для него любимым родом слова, так что сочинение речей и произнесение предварительно написанных становится для него скучным, как дело недостаточно возбуждающее жизнь его ума и сердца.

Чтобы это замечание не показалось преувеличением, вспомните, какое наслаждение находят люди и в других случаях, где приходится преодолевать трудности и бороться с опасностями. У многих происходящее отсюда напряжение нервной системы обращается не только в любимое наслаждение, но даже в страсть, каковы: страсть к войне, лазание по горам над пропастями, охота на хищных зверей и т.п. Законы души человеческой везде одни и те же. И импровизатор во время произнесения своей речи, при испытываемых им трудностях, живет более полной и возвышенной жизнью, и по окончании речи утешается своего рода победой.

Замечательно, что все движение и волнение души импровизатора отражаются и на его слушателях, так как всякому известно, что говорить о предмете не обыденном, да еще в большом собрании — дело не легкое. Даже неграмотные люди, не понимающие значения импровизации, полагая, что оратор говорит заученное, с заботливостью спрашивают: “Какая у вас память! Как вы это не боитесь наизусть говорить такую длинную речь?” Но кто более или менее понимает, что происходит в душе импровизатора, тот вместе с ним живет, вместе волнуется, и даже за него боится. Всякая остановка оратора озабочивает слушателя, всякий счастливый оборот речи его радует, и он, испытав сам некоторое напряжение и волнение вместе с оратором, остается под двойным впечатлением — и от содержания речи, и от успеха оратора: от содержания он получит удовлетворение для мысли и сердца, да кроме того, еще и чувствует радость за успех оратора. Здесь оратор для слушателей становится похожим на человека, который для окружающих его достает плоды с высокого дерева, или из глубины оброненную им в воду дорогую вещь.

Зрители не только ожидают плодов или утраченной драгоценности, но и боятся, как бы человек, взявшийся за трудное дело, не упал или не утомился. Вот почему при импровизации большинство слушателей не замечает в речи импровизатора непоследовательности, нестройности, повторений, неполноты, незаконченности, которые непременно видны были бы в речи, если бы оратором она точно была записана.

Они не тем были заняты, им некогда было критиковать; они жили жизнью оратора, сами участвовали в его возбуждении, проникались его ощущениями.

Здесь, между прочим, кроется и тайна того особенного увлечения, какое овладевает слушателями при счастливой и сильной импровизации.

Но трудно не столько точное определение понятий об импровизации, сколько указание приемов и правил для приучения способных к этому роду слова и для употребления его. Пойдем путем наблюдения и опыта, они, может быть, наведут нас на некоторые правила и законы.

II

Обыкновенно думают, что для импровизатора нужен только особенный дар слова, т.е. способность легко, свободно и скоро говорить. О людях, произносящих удачные импровизации, обыкновенно говорят: “Какой у него дар слова!” Но это выражение не точное; оно не обнимает всего круга способностей, необходимых для импровизатора. Можно сказать, что нет способности не только душевной, но и телесной, разумеется близкой к деятельности импровизатора, которая не была бы нужна для него.

Главная способность, необходимая для импровизатора, есть крепкая и наилучшим образом развитая сила мышления. Он не слова только мечет перед слушателями, а живым словом излагает мысли, приобретенные и усвоенные им из разных отраслей знания, и только качество или достоинство мыслей может возбуждать его самого и занимать его слушателей. Ум легкий, поверхностный не может дать достаточного содержания для импровизации. Он будет скользить по предмету, скоро израсходует заготовленное им для речи содержание, и оставит слушателей

неудовлетворенными. Если для писателя требуется способность глубокого мышления, исчерпывающая до основания содержание предмета, широта взгляда, объемлющая границы предмета, так сказать, с одного конца до другого, точность понятий, необходимая для правильного развития мыслей и последовательного их изложения, то все эти условия наиболее необходимы для импровизатора. Без глубины мыслей речь оратора будет пуста: без точного разграничения мыслей он будет смешивать понятия и уклоняться от главного предмета, составляющего цель речи, без правильного развития мыслей его речь будет непоследовательна, запутана и оставит в слушателях смутные представления о предмете, а иногда недоумения и сомнения. Для импровизатора, как мы прежде говорили, требуется работа ума быстрая, но это не значит, что он может схватить из своего предмета что попало, изложить его второпях как-нибудь, не заботясь ни о круглоте, ни о связи мыслей. Он может не исчерпать всего содержания предмета, как это делает писатель в кабинете, но он должен непременно указать главнейшие основания своего рассуждения, чтобы иметь данные для выводов и заключения; он может не выдерживать со всей строгостью развития мыслей, какой требует логика сочинений, но связь мыслей непременно должна чувствоваться в его речи; он может расставить мысли в порядке не с той строгостью, как это делается в сочинениях, но непременно в порядке; он может допустить некоторые уклонения от одной мысли к другой, повторения с целью восстановления того, что было им забыто, или по скорости опущено из внимания, но во всем этом не должно быть хаотического смешения мыслей, обдающего слушателей туманом, в котором они чувствуют потребность спросить: что это такое? Очевидно, всем этим требованиям может удовлетворить только оратор с сильной от природы и развитой долговременным упражнением способностью мышления. Лишнее, что требуется в этом отношении от импровизатора сравнительно с писателем, — это быстрота, живость, оборотливость ума, как говорится, находчивость. В писателе эти качества может заменить продолжительное размышление, тщательный пересмотр своего труда, но у импровизатора все это заменяется исключительным даром быстрого соображения, без которого никто не должен и браться за импровизацию. Итак, по отношению к силе ума, импровизатор должен непременно обладать всем, что требуется от даровитого и основательного писателя и иметь еще добавок, составляющий, как бы мы сказали, его особенный талант — живость ума, легкость, удободвижность.

Без сильного и живого ума не может быть и хорошего поэта, не только импровизатора. У поэта творчество и сила изображения предмета, а у оратора — изобретательность и искусство раскрытия истинных понятий о предмете — непременно должны быть управляемы умом, как распорядителем содержания произведений, руководителем в отделке форм, соответствии слов, или образов взятому содержанию, наконец, даже советником в деле искусства, определяемого, главным образом, чувством изящного. Мы жалуемся, что у нас мало ныне поэтов и приписываем этот недостаток материалистическому направлению нашего века; это справедливо, но не упускайте из внимания и недостатка в нашем современном образовании высокого умственного развития, соответствующего порывам творчества и полету фантазии поэта.

Отсюда происходит скудость и неопределенность содержания в поэтических произведениях, причем вы чувствуете, что автор что-то воспевает, что-то хочет сказать, но что именно - трудно понять, а иногда и вовсе невозможно перевести его созерцания в определенные понятия; отсюда происходит и употребление выражений неточных, часто странных, и своей несообразностью разрушающих всю силу впечатления на читателя.

Если хороший развитый ум нужен и для поэта - живописателя предмета, то тем более он нужен для оратора и импровизатора - истолкователя и изобразителя истины. От этого недостатка надлежащего развития ума и приучения его к строгому мышлению происходят, главным образом, и у даровитых из наших адвокатов непомерная длиннота речей, свидетельствующая о неумении

отделить главное от несущественного, — скученность мыслей и неточность в их определении, что никак не выкупается ни остроумием, ни восторженностью.

Отсюда происходят и такие диковинные речи, как однажды слышанная нами. За именинным обедом один чиновник встал с бокалом в руках и произнес речь, в которой все было: и имена существительные и прилагательные, и глаголы, и даже междометия, недостало одного — мысли. Оратор говорил минуты три и затем стал на свое место в каком-то недоумении, оглядываясь по сторонам и как будто спрашивая: что это такое он сделал? В не меньшем изумлении остались и слушатели, размышляя про себя: как это можно набрать слова, не имея зерна мысли и руководящей нити в ее развитии? Конечно, это крайность, но крайность много говорящая: не в такой степени, но у многих наших не ораторов, а речепроизносителей замечается крайняя скудость содержания. А говорить всюду проявляется неудержимая потребность, и это говорение, неудержимое строгой критикой, при недостатке истинных ораторов, сразу решающих дело, развивает притязательность на словопрения, запутывает вопросы, затягивает заседания и оставляет безнаказанными скудомыслие и бесталанную уверенность, пренебрегающие великим искусством молчать и с толком слушать.

Вторая необходимая для импровизатора душевная способность есть **живость воображения**. Воображение, как показывают психологические наблюдения, принимает большое участие вообще в построении всякого сочинения. При работе рассудка, распределяющего и располагающего мысли, оно раскидывает впереди перспективу этих мыслей, дает возможность представить обдумываемое произведение в целом и подробностях, рисует отношения мыслей к действительности и, прежде изложения их на бумаге, очерчивает весь облик задуманного труда, так, что автор всегда может носить его в уме и продолжать свою работу, т.е. мысленно пополнять и заканчивать свое сочинение везде и во всякое время.

Все эти услуги воображения, в полнейшем их объеме необходимы для импровизатора. Ему мало одной твердой памяти (которая также составляет особый вид воображения), чтобы не растерять содержания задуманной им речи, но ему нужно и перестраивать это содержание на месте, когда заранее обдуманный план при исполнении изменяется (что большей частью бывает); ему необходимо при развитии мыслей приведение опытов и картин из действительной жизни, так как сама речь его жизнью вызывается, ею настраивается и ее изображает; ему, наконец, нужно быстрое облачение мыслей в слова и, притом не только точные, но и близкие к жизни, т.е. живописные, что составляет прямое дело воображения. Без этой совокупной работы живого ума и воображения не может быть оратора, ни тем более импровизатора.

С умом твердо мыслящим, но медлительным, с воображением спокойным, не возбуждающимся с особенной силой, и словом нелегко складывающимся может быть ученый, и даже знаменитый профессор, толковый преподаватель, разумный собеседник, но не импровизатор, в смысле живого оратора.

Думаем, что эта классификация дарований по различным родам их деятельности не может быть ни для кого обидной, потому, что дарования не нами приобретаются, а даются от Бога. Но так как всякий человек, ведущий честный и полезный род деятельности, в своем месте необходим и заслуживает уважения, то в выборе деятельности самое важное для человека — понять себя, определить свое призвание и меру своих сил, чтобы не уклониться от дела, соответствующего нашим силам и не выйти на поприще, не нам принадлежащее.

Если первое ведет к опущению многих полезных дел, для нас обязательных, потому самому, что мы имеем нужные для них дарования, то последнее всегда угрожает опасению неудач, и портит нашу жизнь.

Из сказанного отчасти уже объясняется третья способность, необходимая для импровизатора — дар слова, в собственном смысле. Дар слова имеет две стороны: внутреннюю и внешнюю.

Внутреннюю его сторону составляет, как нам известно из вышесказанного, живая деятельность воображения, так сказать одевающего мысли ума, тотчас при появлении их в сознании оратора.

Психологи говорят, что мы совсем не можем мыслить без слов, и что каждый мыслит словами того языка, который лучше знает. Итак, кто обладает живым воображением, скоро и отчетливо мыслит, у того готовы и слова для выражения мыслей, и ему остается только хорошо произнести их, если нет к этому препятствий собственно в органе слова. Но здесь мы находим уместным заметить, что как ум требует развития и обогащения познаниями, чтобы иметь обильный запас и, так сказать, родник мыслей, так и наша память и воображение должны быть заранее обогащены, или даже постоянно обогащаемы внутренним лексиконом точных и выразительных слов, собранных не случайно, не при чтении легких книг, а при самом мышлении и изучении избранных нами предметов знаний. Поэтому, речь истинно ученого человека, по самому качеству употребляемых им слов, сейчас дает понять как силу его мышления, так и свободу выбора и сочетания употребляемых им слов не только соответственно каждому частному понятию и иногда очень тонкой мысли, но и соответственно роду слушателей. Как не затрудняется он перестановкой и развитием мысли по требованию обстоятельств, так и не задумывается над видоизменениями речи и подбором выражений. И хотя бы он говорил медленно, просто, без притязаний на ораторство, но вы сразу заметите, что это говорит хозяин своего дела. Но с другой стороны, вы сразу в говорящем замечаете недостаток навыка к самостоятельному мышлению и свободному выражению мыслей, когда он затрудняется с выбором необходимых для него слов и не может примениться к среде, в которой говорит. За этот недостаток свободного изложения христианского учения простым людям, без школьных приемов, иногда справедливо упрекают светские люди наше духовенство, хотя для слушателей и немного нужно знакомства с христианским учением и славянским языком, чтобы понимать богословские выражения и славянские тексты. Но, да позволено будет нам сказать, что богословские выражения, требующие особенной точности, иногда незаменимы, и вообще трудно переводимы на простой язык, а употребление славянских текстов держится на нашем благоговейном навыке к языку церковному; но какая надобность громить полуграмотных людей, заседающих во многих наших собраниях, при обсуждении какого-нибудь частного, а иногда очень неважного вопроса общими рассуждениями о прогрессе и цивилизации, о рутине, господствующей в нашей стране и т.п.? И как бы, казалось, мыслящему человеку при необычном богатстве нашего родного языка не обойтись без иностранных слов, не требуемых вовсе наукою, каковы: эмансипация, эксплуатация, эвакуация, дезинфекция, ирригация, эпизоотия, манипуляция, дискредитировать, фигурировать и проч.?

Если ораторы духовные виновны в том, что доселе слишком крепко держались приемов речи, усвоенных ими историей нашего духовного просвещения, от чего всегда бывает трудно отделаться, и если это заслуживает иногда справедливого порицания, то с какой стати нам впадать из доброй воли в новый недостаток — нагромождения без нужды в русскую речь иностранных слов, чего так тщательно избегали наши знаменитые отечественные писатели первой половины текущего столетия? Признаем необходимым объяснить читателю, что мы говорим об этом не с одним желанием указать в современных писателях или ораторах только дурную привычку или моду, унижающую достоинство нашей отечественной литературы — мы имеем в виду нечто более важное: этот набор иностранных слов обнаруживает в наших молодых людях недостаток самостоятельного мышления, способного переработать познания, почерпываемые ими из иностранных проповедей, разбивать на части, перестраивать понятия применительно к воззрениям и складу ума своего народа и облекать их в свои собственные родные слова.

Наши молодые писатели в большинстве своем, если бы и захотели, не могут отделаться от иностранных слов, они перенесли их в нашу литературу вместе со сведениями, почерпнутыми из

иностранных книг. Они не мыслят и не в состоянии при произнесении речи заменять их русскими словами; таков словарь, скопившийся в умах их и при самом их образовании. Чтобы устранить этот обидный недостаток и очистить нашу литературу от этого хлама, надобно в порядке воспитания нашего юношества обращать внимание не столько на обогащение его нужными и ненужными сведениями, которые всегда могут быть приобретены, сколько на развитие крепкого мышления, которое могло бы управиться не только с иностранными словами, но и с ложными заграничными учениями; а без этого может ли быть какая-нибудь речь о воспитании у нас народных ораторов и импровизаторов?

Внешнюю сторону дара слова составляет собственно телесный снаряд, называемый органом слова.

Как он связан с действиями ума и воображения, от чего происходят его природные достоинства и недостатки — это вопросы нерешимые, как и все другие, относящиеся к деятельности тех внутренних частей нашего мозга или нервной системы, которые непосредственно соприкасаются с нашей душой, и как сами передают ей впечатления внешнего мира, так и согласно с ее прикосновением к ним, дают нам знать о происходящих в ней движениях, — мыслях, чувствах и желаниях. Анатомический нож туда еще не проник, да никогда и не проникнет, как видно из крайней скудости сведений, сообщаемых нам, при всех усилиях современной антропологии, новой теорией рефлексов головного мозга. Так, здесь руководитель только один опыт. Мы видим, что у одних людей орган слова правильный, поворотливый, всем движениям души послушный; у других — напротив, медлительный, неразвязный, запинаящийся. Очевидно, что только имея орган слова достаточно совершенный, можно бороться за импровизации. Известное предание о Демосфене, победившем недостаток своего органа (он заикался) трудом и продолжительном упражнении, показывает, что можно исправлять свои недостатки в этом отношении, но это можно делать только в пещере или на берегу моря, как Демосфен, или у себя дома и заранее, еще не выступая с речами в собраниях. Оратор, не имеющий довольно смирения, чтобы сознать свой недостаток в этом отношении и не браться за дело, которое ему не по силам, ставит себя в ложное и невыгодное положение. При первых словах устной речи всегда внимание собрания напрягается; нетерпеливо ожидается, что и как будет сказано; сильное или, по крайней мере, достаточно живое впечатление есть потребность присутствующих — и можно себе представить, какое нетерпение, смущение и даже внутреннее раздражение овладевает слушателями, когда тупость и неразвязанность языка оратора замедляет речь, заставляет делать остановки, поправки, когда в нем видны усилия, борьба, граничащая со страданием: он просто становится жалок при всем уважении собрания к его внутренним достоинствам. Он своими познаниями может иметь благотворное влияние на общество, но он должен избрать иной ему доступный способ сообщения своих мыслей, а не импровизацию. Это мы говорим, имея в виду опыты, оправдывающие русскую пословицу: “охота смертная, да участь горькая”.

Последняя внешняя принадлежность органа слова есть сила голоса. Счастлив оратор, обладающий голосом, звучным, полным и приятным: это редкий дар. Но с недостатками голоса можно справляться, а иногда и мириться, если в них нет ничего крайне неудобного и странного; здесь гораздо важнее искусство управления голосом, в смысле произношения речи.

Так как мы имеем целью собрать опытные указания для приучения ораторов к импровизации, то нам представляется не лишним сказать здесь (после, может быть, не будет случая) в виде предостережения, что не должно озабочивать импровизатора так называемой декламацией, а представить ему говорить, как он может соответственно течению его мыслей и состоянию духа, лишь бы все было сказано внятно, ясно, с привычным ученому человеку разграничением и отношением мыслей. Ему и без того слишком много работы в произведении и выражении мыслей в соответствующих словах, и потому неудобно ему брать на себя еще лишний труд — изысканное

произношение. Если счастливая декламация образуется у импровизатора сама собой, и при этом будет соблюдена в ней должная мера, то есть она не будет сбиваться на театральность, это прекрасно; на природный талант нет ограничений, кроме доброго направления, приличия и чистого вкуса. Но опасно вводить намеренно особое искусство произношения при обучении живому слову, потому что оно представит оратору соблазн усиленными приемами искусственного произношения восполнять недостаток содержания и силы слова.

Само собой разумеется, что импровизатор должен иметь благообразный вид и всю внешность и прилично держать себя. Но, что требует со стороны его особенного внимания, это состояние его здоровья и нервной системы. Импровизация — трудная работа: при слабости сил оратор скоро утомляется, изнемогает, что не может не вредить успеху его проповедей, или речей, разве он будет иметь возможность избрать круг деятельности по своим силам. Что же касается нервной системы, то ее значение для импровизатора чрезвычайно важно. От чрезмерной чувствительности и впечатлительности обыкновенно происходит у нас застенчивость, робость и опасность растеряться. Есть люди, которые не выносят впечатления множества устремленных на них глаз, робеют в больших и торжественных собраниях: для них в подобных собраниях трудно выйти на середину и сказать несколько слов; на иных слабонервных людей сильно действует всякое внешнее движение в собрании и нечаянное появление новых и особенно, властных лиц.

Если это недостаток природный, он может лишить оратора всякой возможности импровизировать и при высоких дарованиях. Это люди, созданные для замкнутой, кабинетной, а не для публичной жизни и деятельности. Но надобно заметить, что робость и неразвязность есть почти общий недостаток ученых людей, прошедших молодость в школах и не привыкших к публичным собраниям. Эта последняя робость при хорошем здоровье легко побеждается навыком. Мы видели, как однажды в церкви, на глазах проповедника, во время самого разгара его импровизации с громким криком упала на пол женщина, и тем произвела большое смятение в народе. Он остановился, обождал, когда больную вывели из церкви и все замолкло и начал опять свою речь с той самой мысли, на которой остановился. Надобно знать некоторые приемы, которыми достигается подобное спокойствие и самообладание, о чем скажем в свое время.

Но нам могут заметить, что мы представили импровизатора в таком идеальном свете, наделили его такими разнообразными высокими талантами, каких во всей совокупности не легко и встретить в одном лице. Но мы не говорим, что все эти дарования импровизатор должен иметь в самой высшей степени, и притом в полной гармонии.

Совершенства в природе редки, но тем не менее все эти дарования, хотя и не в высокой степени, составляют необходимые условия, без которых не может быть оратора с живым словом. Притом, большая или меньшая сила одного таланта перед другим производит только различие и особенности в складе и качествах речей ораторов, не лишая их возможности говорить с большим успехом. У кого преобладает сила спокойного размышления и притом с даром слова ровным, простым и ясным, но недостаточно развитым, тот может быть весьма любимым проповедником религиозных истин, или учения, требующего спокойного размышления, а кто отличается живостью чувства и воображения и обладает словом легким и живописным, тот преимущественно действует на сердце силой изображения истины в опытах жизни, и яркими картинами человеческих добродетелей и пороков. В обоих этих родах были известны и много трудились в Москве в недавние времена два проповедника - импровизатора: в первом роде в Трехсвятительской, у Красных ворот, церкви протоиерей Николай Петрович Другов, любимец простого народа, а во втором – в Вознесенской, у Серпуховских ворот, церкви протоиерей Сергей Николаевич Терновский, любимец образованного общества. Но дело общественное только руководится блестящими дарованиями, а во всей широте делается способностями и только способностями, которые одни отличают людей, могущих делать дело, от совсем не могущих. И способности могут быть различных степеней, и ни одной из этих

степеней пренебрегать не следует: каждая найдет себе соответственное место и круг деятельности, если только она поставлена правильно. Наша обязанность отыскивать способности в себе и других и взаимно поощрять друг друга к служению Славе Божией и благу человечества, помня, что по притче Спасителя, получивши от Господа и один талант мы будем осуждены, если зароем его в землю.

III

Прошло более года со времени напечатания в журнале “Вера и Разум” предыдущих статей моих о “живом слове”, или ораторском искусстве импровизации. Я выждал, не скажет ли кто-нибудь из трудящихся на этом поприще, в печати, со своей стороны, на мои мысли какого-нибудь указания, замечания, дополнения и проч. Как хотите, но и скучно и робко одному человеку говорить о такой важной отрасли ораторского искусства, у нас совершенно почти новой. Появлялись в некоторых изданиях указания на труд мой, и даже поощрительные, но был один только отзыв в №36 “Руководства для сельских пастырей” за 1884 год с некоторыми указаниями на способы приучения себя к импровизации (о которых я скажу мое мнение в своем месте), но мне казалось этого мало. Но как бы то ни было, я считаю себя обязанным изложить мои личные опыты и наблюдения относительно искусства импровизации. Я признаю делом совести предложить на общую пользу то, что Господь привел мне испытать, или приобрести, или заметить в течение моей жизни по этой отрасли красноречия с главной целью — оказать посильное содействие к развитию склонности и навыка к импровизациям в наших сослужителях и хотя на одну линию подвинуть вперед этот род слов, обещающий нашей церкви и особенно простому нашему народу неисчислимые благие плоды.

Я оканчиваю мое земное поприще и служение Церкви, и не желаю унести с собой в могилу, то, чем как опытом жизни, могу поделиться со своими сослужителями и особенно с молодыми и начинающими, на которых мы возлагаем все наши надежды в деле охранения православной веры и христианского просвещения нашего народа в наше трудное время.

Тридцать лет (худо ли, хорошо ли, не мне судить) я упражнялся в устной проповеди. Много было ошибок, много было напрасно потрачено труда, много прошло лет в деятельности, так сказать, не вполне осознанной, не руководимой какими-либо законами и правилами, почти инстинктивной. Да и где было взять эти законы и правила? Во время служения моего священником в Москве у меня был перед глазами пример моего соседа по приходу Вознесенского, у Серпуховских ворот, протоиерея С.Г. Терновского, — пример завидный для молодого священника: но я не помышлял о возможности подражания. Выступил я на поприще импровизации, как говорится, совершенно случайно, то есть неожиданно, но, конечно, не без всеблагого указания Промысла Божия, особенно в таком важном деле. Расскажу это с особенным удовольствием, так как в этом имею случай изъяснить благодарность памяти моего благодетеля, давно уже усопшего, который подвинул меня на это дело.

В Москве еще свежа память об умном и весьма замечательном по характеру и деятельности барине прежнего типа Федоре Васильевиче Самарине, отце известного Юрия Федоровича. С самого начала моего священнического служения в 1849 году и я имел честь (действительную честь) по семейным моим обстоятельствам сделаться ему известным. В то время здоровье Федора Васильевича уже слабело, он духовно располагал уже к приготовлению себя на путь к вечной жизни и пригласил меня к себе для чтения книг и собеседования по одному и по два раза в неделю. Так тщательно он заботился об очищении своей совести, так внимательно в чувстве покаяния останавливался на каждом шаге своей прошедшей жизни, так старался щедрой благотворительностью (и, между прочим, через мои руки) покрыть признаваемые им грехи, что представлял для меня поучительный пример живой веры и твердого христианского характера. При частых сношениях велись между нами продолжительные и разнообразные беседы. Однажды я приехал к нему на другой день большого праздника, и как-то по ходу речи стал ему жаловаться на беспорядочность нашего простого народа

при исполнении обрядов, и особенно за всенощными бдениями при поклонении свв. иконам и помазании св. елеем. И вот, к какому разговору между нами подало повод это мое замечание.

— “Что же вы народ не останавливаете?” — говорит Федор Васильевич.

— “Да как мы его остановим, — отвечаю я, — когда и полиция часто не знает, что с ним делать?”

— “Вы обязаны говорить народу и учить его, когда замечаете в храме беспорядок: кто же и должен это делать, если не вы?”

— “Так, но мы можем говорить это в проповедях только по праздникам; одни из народа придут в церковь и услышат наше слово, а другие нет; да и те, которые слышат, скоро забывают, или не считают себя обязанными исполнять слышанное”.

— “Говорите чаще, говорите всякий раз и в ту самую минуту, когда замечаете беспорядок, обличайте на месте нарушителей порядка, — тогда все будут вас слушать и привыкнут слушаться!”

— “Ну, к этому мы не привыкли, — говорю я, — не водится у нас и не умеем говорить сейчас, в данную минуту, по требованию обстоятельства”.

— “Как вам не стыдно говорить это, — отвечает, возвышая голос, вспыльчивый Федор Васильевич, — вы говорите со мной по целым часам, говорите свободно о самых разнообразных предметах и не можете сказать несколько слов вашим прихожанам, когда это крайне нужно! Вы, особенно вы, непременно должны это делать! Не умеете, учитесь, привыкайте!”

Крепко задумался я, возвращаясь домой от почтенного старца. Вот как, думаю, умные люди — сторонние, понимают наши обязанности, и какие прекрасные дают нам советы! Что же мы? Да, стыдно нам! У меня была умная семья, были в ней родственники, получившие высшее образование; я сообщил им мысль Самарина: все единодушно ее одобрили. Я решил в следующее воскресенье произнести неписаное слово. Обстоятельства благоприятствовали: у нас строилась трапезная церковь, богослужение совершалось в небольшой холодной церкви, и была по праздникам одна ранняя литургия, к которой собирался почти один простой народ. Слушатели, думаю, будут у меня простые: если и замнусь и ошибусь в чем-нибудь, не взыщут.

Приготовился я, обдумал проповедь, предмета избранного тогда мной теперь не помню. Начал служить литургию в озабоченном состоянии духа. По той мере, как приближалось время проповеди, я стал чувствовать возрастающее беспокойство, и когда надо было отверзать царские врата после приобщения, и мне следовало приказать поставить аналогий, мной овладел такой страх, что я едва прочитал заамвонную молитву, чуть ни лихорадка приняла меня, — и я для проповеди не вышел...

Прихожу домой, спрашивают: “Что с вами? Почему вы не говорили слова?” “Оробел”, — отвечаю я. “Чего же? Почему?” “И сам не знаю”. И горько, и стыдно было мне моего малодушия, но тем не менее преодолеть страх на этот раз было выше сил моих. Все дни недели до следующего воскресенья я был в грустном построении духа, с Самариним разговор об этом не возобновлял, опасаясь справедливого от него замечания и пристыжения. Накануне следующего воскресенья я решил повторить опыт. Дал слово своим домашним, которые так же сочувствовали мне и моей заботе, честное слово, что упаду у аналогия, но выйду. Это была неделя перед началом постной триоди и предстояло чтение Евангелия о Закхее. Размышляя о содержании предстоящего Евангелия, думаю про себя: ведь смогу же я рассказать, как малорослый Закхей влез на дерево, чтобы видеть Иисуса Христа, как увидел его и обратился к нему Господь, как был в его доме и что говорил и прочее. Ведь маленькие дети это рассказывают.

В крайнем случае смущения, запутанности в словах, опасности замолчать, скажу “аминь” и сделаю вид, что почувствовал нездоровье. Пришедши к Богослужению, чтобы обязать себя, я заранее распорядился, чтобы был поставлен аналогий, сказал, что будет проповедь, а про себя повторил: “упаду, но выйду!” Вышел перекрестился, и как только сказал первые слова о Закхеи, страх исчез совершенно, я почувствовал какую-то радость, что победил по-видимому непобедимое препятствие, говорил совершенно спокойно и развязно, вывел из события приличное назидание; одним словом, сказал проповедь по всей форме.

Пришел я домой совершенно счастливый, родные меня поздравляют с успехом, у некоторых на глазах выступили слезы, и с тех пор день праведного Закхея я встречаю, как великий праздник и, кажется, во все тридцать лет не оставлял этого дня без проповеди.

Не знаю, случалось ли с другими при первых опытах устной проповеди что-либо подобное тому, что было со мной. Может быть, другие были тверже духом, смелее и счастливее меня в этом отношении, но я уверен, что многих и очень многих людей способных останавливает от импровизации эта трудность первого опыта, трудность перейти этот Рубикон страха и смущения при мысли стать на кафедру на виду многочисленных слушателей, выдержать пристально устремленные на вас глаза, трудность сохранить хладнокровие, не растерять приготовленных мыслей, найти им приличные выражения и т.п.

Для этого я рассказываю, что было со мной со всей искренностью, чтобы опытом доказать, что в этом страхе — главную опасность представляет воображение. В последствии это чувство страха и нерешительности при первом выходе на кафедру для импровизации мне представлялось похожим на состояние человека, собирающегося купаться в холодной воде: то рукой попробует он воду, то ногу в нее опустит, — холодно, страшно, — и до тех пор, пока не бросится с размаху в воду, он не испытает удовольствия от купанья в холодной воде.

Надо только проповеднику учения Христова отбросить в сторону самолюбие, желание отличаться, но задаться мыслью исполнить обязанность проповедовать Слово Божие, употребить в дело данный Богом талант и послужить церкви Божией с усердием. При этом не страшны будут и первые неудачи, приятное чувство исполненного долга вознаградит за труд борьбы с самим собой, а навык обратит этот род проповеди в истинное наслаждение.

Здесь, однако же, следует заметить, что есть люди, у которых много храбрости и смелости, при недостатке таланта, а импровизация непременно его требует. И замечательно, что всю трудность импровизаций понимают люди наиболее даровитые, но с необычной смелостью решаются на них люди малоспособные и часто такие, которым без греха следовало бы запретить их. От чего это происходит? Главным образом от того, что бездарные всегда обладают большой самоуверенностью.

Если они говорят много и проворно, они легко поддаются искушению быть импровизаторами на соблазн в храмах. Непоследовательность и запутанность в их мыслях, недостаточность выражений, недостаток вкуса и чувства приличия в выборе слова делает этих импровизаторов людьми опасными в деле служения Церкви. Поэтому нужно по отношению к ним особенное наблюдение церковной власти. Может быть, это замечание будет для кого-нибудь и обидно, но в деле такой важности, как церковная проповедь, не должно быть места никаким сторонним побуждениям, особенно относительно пощады человеческого самолюбия.

Как же, однако, убедиться каждому лично относительно себя, способен ли я к импровизации, и не заблуждаюсь ли относительно самого себя? Во-первых, надо иметь предшествовавшие опыты устной речи, свободной, ясной, приличной, как говорил Самарин, “по целым часам о самых разнообразных предметах”, в частных беседах, на уроках по закону Божию и т.п. Во-вторых, надобно замечать за собой, есть ли у меня быстрота соображения и находчивость, которые обыкновенно

обнаруживаются при возражениях и внезапных вопросах, и человека, не обладающего живым умом, могут ставить, как говорится, в тупик.

Это не потому нужно, чтобы при устной проповеди слушатели делали нам возражения, а потому, что при импровизации сам оратор неожиданно может войти в такую связь и соотношение мыслей, где для него потребуется особого рода ловкость, чтобы выйти из затруднительного положения. Это качество необходимо и при выборе выражений, когда для развиваемой мысли не встречается сразу приличные слова, или подвертываются выражения слишком обыденные, несоответствующие достоинству церковной кафедры. В-третьих и это едва ли не самое важное, импровизатор не должен в суждении о достоинстве своих речей полагаться на собственное о себе мнение, а следить за мнением других. Для этого полезно иметь между слушателями, особенно в первое время, людей, которые бы без жалости указывали вам ваши промахи и недостатки, и потом внимательно следили за выражением лица слушателей и за их суждениями о произносимых вами поучениях, которые всегда можно узнать разными косвенными путями. Самоуверенность и упрямство импровизатора, не обращающего внимания на замечания и разумные советы других — это верный способ усвоить дурную манеру речи, или никогда не освободиться от своих недостатков. Кто хочет преуспевания в каком бы то ни было серьезном деле, тот не должен падать своего самолюбия: а в делах трудных, к которым относится и импровизация, долго надобно учиться.

Здесь предстоит вопрос: “Как же учиться? В указанном мной выше №36 “Руководства для сельских пастырей” предлагаются (не объявившим своего полного имени автором) по этому предмету практические советы. Совет практический — дело великое: он может того, кому предлагается, к благу его поставить на прямой путь, но может и сбить его с этого пути. Разберем эти слова и советы беспристрастно. После общих рассуждений о важности импровизаций в деле церковной проповеди, автор говорит: “Трудно, конечно, сделаться настоящим оратором, для этого нужно прежде всего родиться с соответствующими задатками на него”.

Тем не менее, приобрести навык к импровизационной, хорошей речи дело далеко не невозможное: стоит только хотя немного систематически поработать над собой в этом направлении”. Это совершенно справедливо, только слова “стоит только немного поработать над собой”, надобно заменить другими: “только надо много работать над собой”. За этим, сказавши мне комплимент, за который покорнейше благодарю, автор продолжает: “правила и законы импровизации преосвященный Амвросий обещает вывести на основании наблюдений и опыта. Но так как эта статья пока еще не доведена до конца, то скажем здесь и от себя два-три слова, каким путем всего естественнее по нашему мнению идти в деле приучения себя к импровизации”.

Этот самый естественный путь в деле приучения себя к импровизации, или восхождения в этом деле к достаточному совершенству, автор разделяет на три ступени. Приведем подлинные его слова, потому, что трудно вкратце передать признаки, составляющие, по мнению автора, особенности, или существенные принадлежности каждой указанной им ступени.

“На первой ступени, - говорит он, - всего лучше, и кажется целесообразнее в этом отношении выходить на кафедру не иначе, как предварительно основательно разучивши наизусть заранее составленную, свою ли, или чужую печатную проповедь во всем ее состоянии. Такое предварительное разучивание и заучивание готовой проповеди дает возможность проповеднику отнестись к ней гораздо с большей сознательностью, приучить его к свободному собеседованию без помощи тетрадки или книги и в то же время поставить его в несравненно более близкое и живое отношение к слушателям, так как ничто уже не будет мешать ему смотреть на слушателей во все стороны, влиять на них одушевлением своего лица и глаз, следить за силой впечатления им производимого, усиливать и ослаблять на известных местах голос и вообще более разнообразно видоизменять, смотря по надобности, дикцию. На этой же ступени должно с течением времени

стараться выражения и целые фразы, даже впоследствии отдели подлинника, заменять подходящими словами, сформировавшимися уже в самый момент произнесения проповеди".

Если взять во внимание наш общий обычай читать проповеди по тетрадке, то эта указанная Г.Б. ступень есть действительно некоторый подъем кверху, то есть приличному и целесообразному произнесению написанной проповеди, собственной или даже чужой. Но собственно импровизации с этой ступени мы и издали не увидим. Автор, разбирая мои статьи, совсем не обратил внимания на то, с какой заботливостью я старался отличить произнесение наизусть составленной заранее проповеди от импровизации в собственном смысле. И я указал на большое преимущество этого способа произнесения проповеди перед читателем по тетрадке, относительно влияния на слушателей обращением лица во все стороны, выражением глаз, голоса и проч.; но мне казалось, что я объяснил достаточно и то, что в сущности это все-таки не более, как заученный урок. Произнести его твердо, отчетливо, живо — это достоинство, но слушателю заметно будет (как я говорил) по связанности, гладкости, последовательности читаемого наизусть слова, что оно заранее написано, что в нем нет живого применения к данной минуте, роду слушателей, случайным обстоятельствам, что проповедник беседовал сначала из кабинета. Разве это не правда? Если нет, то автор сначала доказал бы мне это, а не выставлял бы за ступень импровизации то, что относится к передаче заранее подготовленного сочинения, то есть совершенно к иной области красноречия, к иному роду деятельности духа, имеющему свои особенности и свой отличительный характер. Что человек, привыкший наизусть произносить заученные проповеди с каждым разом становится смелее и развязнее — это верно, но так же верно и то, что для него будет совершенно новое положение, явятся новые ощущения, потребуются иная работа ума, когда выйдет на кафедру без готовой речи с одним намеченным ее содержанием и должен будет создавать ее сейчас на месте. Поверьте, ему также нужно будет в деле импровизации начинать сначала и выдерживать весь тот искус, который выдерживает и проповедник, никогда не говоривший наизусть своих письменных проповедей и решившийся приучиться прямо к импровизации. Напрасно автор предлагает оратору, заучившему свою проповедь, в виде перехода импровизации на этой ступени, “с течением времени стараться выражения и целые фразы, даже впоследствии отдели подлинника, заменять подходящими словами, уже в самый момент произнесения проповеди”.

Этот совет неисполним, потому что противоречит, так сказать, самой натуре писанной проповеди и импровизации. Способный ученик найдется на уроке, произносимом наизусть, заменять слова учебника своими, тоже может сделать и оратор со своей заученной проповедью, но это должно выходить само собой, а стараться об этом нельзя.

Произносящий свой урок с кафедры, или на экзамене, непременно должен видеть перед собой и не опустить из внимания содержания или мыслей им преподаваемых. Слова заменяются одни другими на ходу, но разбирать их надо намеренно и заменять одни другими тут некогда.

И при изложении мыслей на бумаге не тотчас попадает на ум слово, когда хотим заменить одно другим, а при произнесении речи публичной, когда вся забота направлена к тому, чтобы ничего из заученного не забыть, не пропустить и все пересказать, как должно, да еще с желанием произвести усиленное впечатление на слушателей, — это верный способ запутаться и растеряться. Профессор на лекции, знающий свой предмет обязательно и идущий по набитой дороге, да притом сидящий в аудитории как дома, может действительно остановиться в произнесении лекций, какой-нибудь отдел пополнить особым замечанием, пояснением, привести цитаты, потом возвратиться к приготовленной лекции и даже употребить известный оборот: “мы говорили о том-то”. Но в церковной проповеди на кафедре это невозможно. Каждое слово церковное, хотя бы даже составляло часть длинного ряда задуманных по плану проповедей, — есть (как вероятно со мной согласятся преподаватели гомилетики) особое целое, требующее отдельной основной мысли, достаточной полноты, ясности и законченности: следовательно, для оратора оно не то, что лекция об известном предмете, а в нем

всегда есть нечто новое, требующее нового труда и обработки. Если оно заучено и произносится наизусть, — прерывать его нельзя с тем, чтобы вставить в виде упражнения в него новые импровизационные мысли на кафедре: их надобно вновь изобретать, создавать, что и самому опытному оратору не под силу.

Если написанное слово не полно, зачем же оно не полно? Если полно, что же еще в нем можно добавить? Все будет лишнее. Притом, импровизатор и импровизация — это полет: она так отнесет проповедника в сторону, что он не будет знать, как возвратиться к прерванной речи и как связать новые, явившиеся перед ним мысли, с теми, которые он оставил на пол пути в заученной речи. Да, наконец, проповедник, в заботе произнести, отчетливо говорить готовое слово не найдет в себе этой свободы, этой силы творчества, которой требует природа импровизации. Она должна быть начинаема и оканчиваема, именно как импровизация, как род слова самостоятельный, свободный и своеобразный, не смешиваемый ни с каким другим родом слова.

Если читатель со мной согласен, то его решительно удивит вторая ступень, называемая автором слышанной импровизацией. “На этой второй ступени, говорит Г.Б., должно изучать, а впоследствии только всесторонне обдумывать одни главные мысли в проповеди в порядке их последовательного развития и раскрытия в ней, или другими словами, должно предварительно обдумать и во всех частях обсудить с большей или меньшей подробностью один план будущей проповеди. Не лишнее также при этом и прочесть что-нибудь подходящее, чтобы тем обогатить и привести в большую ясность и в надлежащую систему свои представления об известном предмете. На этой ступени особенно должно остерегаться заблаговременного составления в уме самых форм и оборотов речи, и еще более уклонений, во время произношения уже проповеди с церковной кафедры, от главного предмета проповеди. Вся забота проповедника должна быть обращена исключительно на содержание проповеди, на ясность мыслей и на их взаимоотношения, так чтобы предмет ее стал как бы перед глазами проповедника и ему оставалось бы только передавать другим то, что он сам видит. Заранее же придуманная форма и обороты речи будут постоянно держать в своего рода путах свободное слово проповедника и заставлять этого последнего следить не столько за развитием основных мыслей проповеди, сколько за приходом к заранее составленной форме”.

На этой второй ступени автором даются желающему учиться импровизации два совета: что делать и чего не делать. В смысле делания он должен заучивать (чужой?) и впоследствии только всесторонне обдумывать план своей проповеди с большой или меньшей подробностью и что-нибудь прочитывать подходящее к его предмету, с понятной целью изучить предмет и привести свои мысли в надлежащую систему.

Это обычный совет, который дается всякому учащемуся сочинять всякого рода словесные произведения.

Собрать мысли, привести их в порядок и потом делать с ними, что следует. Что же следует делать с ними импровизатору, и как делать? Вот в этом-то и состоит сущность дела: обогатившись мыслями, уложивши их в голове в порядок, выйти на кафедру и передать их слушателям ясно и последовательно, живым словом, изобретая его на месте, в минуту произнесения.

Как это сделать, собственно, как импровизировать, — этого рассматриваемый нами совет и не указывает. Итак, автор и здесь совсем не касается импровизации ни чистой, ни смешанной, очевидно, он не испытывал, как легко или трудно удержать в уме приготовленный план проповеди, и можно ли удержать его во всей своей целостности и полноте, как владеть не только содержанием, но и собой, своими душевными силами, приводящими импровизацию в особое движение, напряжение так, что редкий из импровизаторов отходит от кафедры, не почувствовав сильного возбуждения и потом упадка сил. Вот, если бы этому именно учил автор, и здесь указал бы ступени первые и последующие, то есть первые приемы, дальнейшие успехи и потом совершенство, — он

действительно учил бы импровизации: а то он предлагает общие места относительно составления сочинений писанных, так как в импровизации подобные советы во всей полноте не приемлемы, как, например, приведение мыслей в систему с целью удержания этой системы во время самой импровизации.

Кто в ней упражнялся, тот знает, что чем строже становится план, тем труднее его выполнять: всякая система разлетится в пух и прах и у опытного импровизатора, тем более у того, кто еще не привык владеть собой и не стал хозяином своего дела.

Особенно начинающих подобные советы, при невозможности их исполнения, могут отбить от дела и привести в отчаяние. Импровизация не может быть смешанной, она должна быть чистой, то есть одна импровизация в том виде, какой дает ей этот особенный род ораторских произведений, совершенно отличный от всех других, и не допускающий смешения ни с каким другим. Говоря о том, чего не делать, автор противоречит самому себе. Он требует, чтобы при импровизации все внимание проповедника было устремлено на содержание проповеди (но его внимание, к несчастью, при первых опытах поглощается тем, что ему делать с самим собой), и чтобы он не заботился заранее придумывать фразы и обороты речи, так как они будут держать в своего рода путах свободное слово. Как же он прежде советовал заучивать и чужие проповеди, и по временам отступать от заученного и давать место свободному живому слову?

Вот это заученное и можно назвать по преимуществу путами, а не свои заранее пришедшие на ум фразы при обдумывании предмета, так как известно, что эти фразы редко удается при импровизации произнести на своем месте: большой частью бывает, что проповедник выражает свои мысли не так, как предполагал, а иногда и лучше, бывает и то, что он жалеет о хороших выражениях, которые имел в виду прежде, но которые улетели из внимания при произнесении.

От этой ступени, заключает автор, называемой иначе смешанной импровизацией, до чистой импровизации уже один шаг. Здесь, по-видимому, автор хочет указать третью ступень восхождения к импровизации, с которой уже можно легко шагнуть на чистое поле живого, свободного от всяких пут, летучего слова. Но, к сожалению, здесь-то именно в эту решительную минуту, когда проповедник может сделать шаг неверный и опасный, советник и оставляет его на произвол судьбы. Что же он говорит? “Предмет проповеди подскажет тогда проповеднику злобу данного момента”. Злоба момента — это, вероятно, значит день, случай, обстоятельства, присутствующие слушатели, одним словом вся совокупность условий, в которые в известное время становится проповедник и которые вызывают его на проповедь.

Эта злоба подскажет ему предмет проповеди. А что делать ему с этим предметом и как передать его живым словом, этого злоба дня не говорит. И в этом-то вся и трудность: как в данную минуту воспользоваться обстоятельствами и сказать приличное устное слово об известном уже предмете, как, например, о том, чтобы простой народ тихо и в порядке подходил прикладываться к иконам и помазаниям елеем, чего я не мог сделать, и за что журил меня Ф.В. Самарин.

Отдавая бедного импровизатора на злобу момента, автор со своей стороны опять ограничивается общим местом, заимствованным из правил церковного красноречия: “Знакомство со Священным Писанием, - говорит он, - и святоотеческими требованиями даст ему средства для раскрытия изображения предмета в духе учения Церкви; знакомство с житиями святых поможет ему облечь раскрываемый предмет в наглядные формы изображения, суждениям проповедника сообщить большую силу убедительности, самой проповеди - близкий жизненный интерес и занимательность, наконец, такое или иное настроение импровизатора и слушателей придаст проповеди известный тон, и характер, и известную форму”.

Тут все есть для обогащения проповеди содержанием для ее живости, изящества своеобразности и прочее. Но всем этим может воспользоваться в полной мере проповедник,

составляя проповедь в кабинете, сидя за столом спокойно, в состоянии ничем не прерываемого размышления.

Он и на кафедре, конечно, может всем этим воспользоваться, если сохранит такое спокойное настроение: а если его постигнет иное?.. Вот с этого-то и надобно было начать наставления, как на кафедре соблудности спокойствие, самообладание, полное внимание к предмету и слову, в которое предмет облакается, и к слушателям, которым он изъясняется.

Кто собирается быть на церковной кафедре импровизатором, тот, конечно, слушал уже уроки церковного красноречия и знает, откуда почерпается содержание слова церковного, как оно излагается на бумаге и прочее. Но как слово неписаное может приближаться к достоинствам писанного, как научиться проповеднику носить с собой всеоружие слова и пользоваться им во всякую минуту, не заглядывая в кабинет, в книги и тетрадки — вот в чем вопрос!

Признаюсь, прочитав выше приведенные замечания автора, я с грустью подумал: как можно давать такие советы? Мне могут сказать, что я с гордостью обещал сказать нечто новое, особенное, передать то, чего свет не видал: нет, я обещал изложить только свои опыты, которые кому-нибудь могут пригодиться, из которых кто-нибудь и что-нибудь может извлечь для себя.

Конечно, только из совокупности опытов многих людей извлекаются и правила и законы, но мы этих правил и законов не имеем, а один человек обещать многого не может и не должен. Мы обязаны действовать на пользу Церкви по Слову Божию: “не высокая мудрствующе, но смиренными ведущеся” (Рим. 12, 16).

IV

Как учиться импровизации? Вопрос трудный, и как я говорил сейчас, может быть выяснен и более или менее разрешен только указаниями многих упражнявшихся в этом роде слова, и притом взятыми с опыта и на опыте основанными. Опыт обыкновенно разделяется на чужой и собственный. Тот и другой должен иметь приложение в деле приучения себя к импровизации. “Говори, потому что говорят же другие, имеющие дар свободного, живого слова. Говори, потому что и ты, по-видимому, этот дар имеешь. Начиная, испытывай себя и затем упражняйся”. Вот два правила, которые надобно положить в основание науки о живом слове.

Говоря о примерах живого слова, собственно, в отношении слова церковного, мы прежде всего должны иметь ввиду высочайший пример Господа Иисуса Христа, так как вся деятельность служителей Церкви должна быть основана на Его примере и учении, и только тогда может быть благоуспешна и плодотворна.

Мы знаем, что Господь учил народ, как сказано в Православном катехизисе, живым словом, а не книгою.

Он проповедовал всюду: и в синагогах, и на горах, и на берегу моря, и в домах, — и тысячам народу, и единоличным слушателям (Никодиму, Самарянке), — везде и всегда живым словом, по потребностям слушателей. Но как бы нарочито, в пример церковным импровизаторам, сохранен нам Евангелистом Лукой особенный случай устной проповеди Христа Спасителя, произнесенной Им в Назаретской синагоге. Приведем подлинные слова Евангелиста: «Пришел (Иисус) в Назарет, где был воспитан, и вошел, по обыкновению Своему, в день субботный, в синагогу и встал читать. Ему подали книгу пророка Исаии; и Он, раскрыв книгу, нашел место, где было написано: «Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим, и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу, проповедывать лето Господне благоприятное» (Ис. 64, 1-2). И, закрыв книгу и отдав

служителю, сел; и глаза всех в синагоге были устремлены на Него. И Он начал говорить им: ныне исполнилось писание сие, слышанное вами, и все засвидетельствовали Ему это, и дивились словам благодати, исходившим из уст Его...» (Лк. 4, 16-22). Этот пример яснее слов говорит нам, проповедникам слова Божия: стань на кафедру, возьми текст Св. Писания, прочти его по книге или устно, и очи всех слушателей устремятся на тебя.

Но не смущайся, говори, что ныне исполнилось, или для нашего блага и спасения должно быть исполнено прочитанное изречение слова Божия: говори с верой в силу слова Божия, но не в свои способности, говори от сердца с убеждением, и в очах слушателей увидишь сочувствие, согласие, и они — эти устремленные на тебя очи — засвидетельствуют и скажут тебе: «Да, это истина!» Но Иисус Христос Сам был Слово Отчее, Сын Божий, из Его уст живым потоком лились слова благодати (Лк. 4, 22), а мы что?

А мы не должны забывать, что мы Его ученики и посланники, которым в лице апостолов сказано: «шедше убо нучите вся языки...» (Мф. 28, 19), которым преподано Иисусом Христом Его учение, как Ему Самому завещала воля Отца Небесного Его (Ин. 15, 15), которым сообщен и Дух помазания в священном рукоположении, которым, наконец, прямо обещано и благодатное содействие в трудных случаях проповеди евангельского учения и свидетельства о Нем: «Дастбоя вам в той час, что возглаголете; не вы бо будете глаголющи, но Дух Отца вашего глаголай в вас» (Мф. 10, 19-20).

Отчего же нам с искренней верой в силу этого обетования о содействии благодати Божией, не отдать своего ума, сердца, дара слова на служение Богу и в руководстве благодати Его? Опыт и укажет импровизатору ясные следы этого руководства и содействия благодати в неожиданном вразумлении, озарении и воодушевлении, в непредвиденных условиях, движениях и силе слова, какие он увидит сам в себе выше всякого чаяния, если только он (непременное, жизненное условие) руководится духом веры и смирения, а не самонадеянности и тщеславия.

Итак, главный совет проповеднику, приготовленному к своему служению воспитанием и образованием и сознающему в себе возможность и способность к импровизациям, один: выходи на кафедру и говори. Здесь, прежде всего, руководительницей служит сама природа или личные таланты и особенности каждого проповедника, которые могут выясниться только при употреблении их в дело, или на самой практике импровизаций. С научной стороны, доколе мы не изучили на том же опыте разнообразия импровизаторских дарований и приемов, свойственных тому, или иному складу ума, роду речи, характеру и проч., до тех пор мы должны воздержаться от предложения положительных правил и советов, необходимых тому или другому проповеднику. Когда учат дитя ходить, ставят его на ноги, подставляют ему руки сначала близко, потом подальше и говорят ему «иди»: тогда основывают свое требование на уверенности, что у человека есть прирожденная способность ходить, не требующая наставления и употребления. Но когда надо дать человеку приличие, ловкость, грацию в походке и движениях, тогда призывают на помощь правила и законы и применяют их к сложению и особенностям физической природы каждого воспитанника. Мы не скоро будем иметь эти частные правила и законы, а пока обоснуемся только на одной природе и естественной способности человека мыслить и говорить. Да не будет никому обидно сравнение, которое я хочу употребить для объяснения этого первого приема в деле импровизации, который только и применим у нас в настоящее время. Видали ли вы, как птичка учит детей своих летать? Она садится на ближайший к гнезду сучок дерева, делает разные движения, взмахивает крыльями, и, ободряя голосом, вынимает детей из гнезда в несомненной уверенности, что они полетят, как скоро узнают употребление крыльев, для которых не было простора в тесном гнезде. Вот что пока предстоит нам: выманить проповедников, имеющих крылья, но робеющих вылететь на простор устного живого слова. В этих видах я полагаю возможным употребить в дело советы не столько положительные, сколько отрицательные, т.е. не столько правила, как должно импровизировать, а

основанные на опыте указания, как устранять могущие встретиться препятствия, затруднения и даже опасности. Я разделю эти указания на два вида, — сначала относительно употребления слова или внешних приемов импровизации, потом относительно выбора предметов, составления планов, развития мыслей и всего того, что относится к внутренней стороне или содержанию импровизаций. Я беру сначала внешнюю сторону, потому, что она стоит на первом плане и в деле импровизаций и, как не раз было замечено мной, прежде менее известна, чем внутренняя сторона проповеди в общем смысле, подробно раскрываемая в уроках церковного красноречия в духовно – учебных заведениях.

При первых опытах импровизации не нужно решаться говорить в больших храмах при большом стечении народа, особенно при блестящей обстановке, какая бывает в больших городах в высокаторжественные дни, когда собираются власти, чины и избранное общество, в блеске мундиров, нарядов и т.п. Тут могут быть знакомые все нам люди, но вся совокупность их в блеске торжественных собраний может произвести на вас неожиданное сильное впечатление и привести к смущению, особенно, когда окажутся перед нами, по нашему мнению, серьезные критики нашего слова.

Известен рассказ об одном французском посланнике, человеке опытном и ко всякому блеску привычном, который оробел и не мог сказать своей речи нашей императрице Екатерине II, когда увидел ее сидящей на троне, окруженной всем блеском царственного величия и богатства.

Известно также, что священник, раз смутившийся и растерявшийся при богослужении, иногда на всю жизнь остается на известные случаи с непобедимой робостью, которая на Западе отмечена и особым именем.

Я знал одного почтенного протоиерея (ныне уже умершего), который еще в молодых годах был чем-то смущен или испуган во время большого входа на литургии и с тех пор не мог спокойно пройти от северных дверей до Царских Врат с потиром: он всегда старался как можно скорее пройти это небольшое пространство, держась рукой за иконостас. Вот в какой степени был силен у него этот страх: однажды при архиерейском служении, где я был в бытность мою священником, ему довелось при большом выходе идти впереди всех священников с потиром, а мне за ним. Перед выходом он подал мне левую руку и говорит: «держите меня за руку». Я взял его руку, и пока мы проходили по солее, его рука держала мою руку, а когда он вместе со служащими вошел в алтарь, пот градом катился с его лица, точно он прошел над бездной. И напрасны были все усилия с его стороны победить этот нервный страх до конца его жизни. Пропал его импровизатор, если на первых порах случится с ним что-либо подобное. Поэтому никто в этом случае и не надеется на свои силы, на самообладание и твердость характера: одна несчастная минута может погубить все.

Впоследствии при многолетнем навыке, никакие собрания не страшны: напротив, приятно бьется сердце от некоторого возбуждения при виде блестящего собрания.

Но в первое время надобно начинать импровизацию, так сказать, в уголке, всего лучше перед снисходительным судьей — нашим простым народом. И только навык, не что иное, может дать оратору бодрость и свободу говорить, не стесняясь всегда и везде. Этот навык сам по себе позовет проповедника от многочисленных и простых слушателей в более многолюдные и торжественные собрания.

Говоря об условиях места для начала импровизаций, надобно заметить, что ко всякому новому месту и новой обстановке оратор должен привыкать отдельно. Привыкнув говорить в церкви, он не должен думать, что может говорить свободно везде и при всех условиях.

Вот что было со мной в 1867 году. Во время антропологической выставки были в Москве, как известно, из австрийских и турецких владений духовные лица из прославленных славян.

Мы, московские священники, рассудили устроить для них братскую приветственную трапезу. За этой трапезой сербский архимандрит сказал нам умную, круглую и искусно составленную речь. Когда он кончил, сидящий со мной за столом священник шепчет мне: «отвечайте ему», я говорю: «не могу». «Как не можете? Вы же говорите в церкви, а здесь - не могу». И как я не собирался с духом, не мог говорить. Впоследствии я сделал первый опыт за именинной трапезой в одном близком знакомом дворянском семействе в небольшом кружке и потом привык говорить и застольные речи, даже речи ответственные на неожиданные приветствия или возражения других.

Люди, знающие это по своему опыту, согласятся, что я говорю правду. Постепенность, опыт, навык — вот путь к обучению себя импровизациям. Мне часто придется повторить это.

Перед выходом на кафедру проповедник, как бы тщательно ни обдумывал содержание проповеди, должен еще, по моему наблюдению, иметь в виду одно условие, по-видимому неважное, но которое может иметь весьма сильное влияние на успех проповеди: он должен непременно иметь в готовности, так сказать, в устах первое слово, с которого найдет приличным начать проповедь. При неимении этого слова в готовности проповедник будет поставлен в затруднительное положение: все содержание проповеди ему представится разом, мысли столбятся в голове, и он не найдет тотчас, с которой и как начинать. Если он потом и оправится, то все же почувствует себя в положении неприятном, которое отнимет у него бодрое и спокойное настроение духа. Первое впечатление на сердце оратора, откуда бы оно не получилось, из собственного ли его представления и душевного настроения, или со стороны, все равно, — непременно будет иметь сильное влияние на всю проповедь. Импровизатор по необходимости бывает в напряженном состоянии духа и нервной системы, а при таком состоянии всякая безделица может его потревожить.

Перед выходом на кафедру еще встречается для непривычного человека особое затруднение. Он перед началом проповеди естественно озабочен сохранением в памяти приготовленного им содержания слова. И вдруг, перед самым началом он оказывается не в состоянии представить себе ясно и последовательно все собранные им мысли. Первые мысли оратора стоят в сознании, а дальше их он ничего не видит. Размышлять и вновь собирать все некогда: что же это такое? Что делать?

Это весьма естественное, но не весьма замеченное психическое состояние человека, приготовившегося публично говорить. При этом надобно знать, что если содержание слова собрано, в голове уложено, оно там и есть и за совершенную потерю или забвение его опасаться нечего: началом слова стоят в сознании, так сказать, перед их выходом. Только ближайшие мысли, остальных не видно.

Это движение мыслей похоже на выход многочисленного народа из церкви: в двери видны только люди, выходящие и ближайšie к ним: подождите их, покажется много, и они выйдут длинной вереницей. Так и мысли: выпустите и покажите первые, покажутся и дальнейшие.

Они в голове лежат клубком. На клубке видны только верхние нитки, развивайте клубок, и он весь разовьется. Это явление в душе импровизатора — весьма занимательное (здесь не излишне припомнить и то, что мы говорили прежде) и существенно отличающее устное слово от передачи заученного. Заученное вы только припоминаете, так сказать, роетесь в памяти как в мешке: выстраиваете, встряхиваете этот мешок с усилием, чтобы все из него выбрать, но при импровизации вы чувствуете, как мысли в душе вашей сейчас рождаются, переходят в образы, облекаются в слова: вы чувствуете совокупную живую работу ума, воображения и того дивного механизма, который называется даром слова; вы живете двойной, тройной жизнью сравнительно с повторением прежде обработанного и заученного.

В последнем случае вы, так сказать, черпаете и подаете присутствующим воду из заранее наполненного сосуда, а при импровизации для вас самих и для слушателей открывается самый ключ живой воды в душе нашей, и вы действительно произносите живое слово.

Как говорить? Выше сказано: как можете и как умеете; но здесь уместно заметить, как нужно пользоваться чужим примером. Слушайте опытных импровизаторов, если можно чаще, учитесь у них самообладанию, спокойствию, плавности, последовательности речи, но бойтесь перенимать личные, им собственно принадлежащие приемы и особенности, как в складе речи, так и в ее выражении; приемы каждого оратора обуславливаются его личными дарованиями и природными свойствами. Подражая рабски, можно усвоить себе манеру несвойственную, искусственную и потому дурную. О внешних приемах слова в импровизациях кроме естественной деятельности, ясности, выразительности, ни о чем не нужно больше ни думать, ни заботиться; при этом, что есть в вашей природе, само собой скажется. Если у вас преобладает рассудок, — слово ваше будет отличаться отчетливостью, толковитостью; если у вас живое воображение, — слово ваше получит картинность и живописность; если вы обладаете звучным, гибким и музыкальным голосом, — явится сама собой естественная декламация, чуждая эффектности и театральности. Но все чужое, заимствованное, несоответствующее вашей природе, будет в вас также странно и неприятно, как чужая, слишком длинная и широкая, или узкая и короткая одежда. Приятно иметь то или другое достоинство, но не все всякому доступно. Каждый должен быть самим собой, если не хочет быть странным. Я помню, что бывши еще юношей, как семинарист, лишенный внешней выправки, я очень стеснялся в светском обществе, не умея ни пройти прилично, ни сидеть, ни руки свои держать. Желая усвоить приличные приемы, я просил одного своего молодого родственника, получившего хорошее светское воспитание, научить меня, как мне держать себя.

Умный юноша дал мне такой совет: ходи и держи себя, как Бог тебя создал, и будет хорошо. Самая дурная черта в характере и в приемах — неестественность.

Едва ли не самая трудная статья при импровизации, особенно вначале, — это приобретение спокойствия, самолюбия и самообладания. Тут все действует на оратора возбуждительно и более сильно, чем во всяком другом случае: и присутствие публики, и забота о собирании разлетающихся от волнения мыслей, об их развитии и передаче в порядке, и о подыскивании приличных выражений и прочее. Оратор как в огне горит. И трудно дать какой-нибудь, несомненно верный совет, как управлять собой и своей ладьею, с несомненно бурным потоком, с опасностью опрокинуться. Говорят: «Забудь, что ты перед публикой!» Но как забыть то, что перед глазами? «Не смотри на народ!» Но как на него не смотреть, когда он сам на тебя смотрит, и когда это требуется самими простыми условиями проповеди? «Будь хладнокровен!» Но это то же, что овладевай собой, а в том-то и секрет, как быть хладнокровным, когда кровь кипит, сердце стучит в груди, нервы держат все существо человека в смятении, естественно возбуждающем в нем суетливость, торопливость чуть не до потери сознания. И заметьте, что чем живее человек по природе, то есть чем больше обладает он этой главной способностью, тем более он склонен поддаться смущению и волнению. Долго я страдал этой торопливостью, да едва ли и теперь к старости от нее освободился. Между тем всякий раз приходилось с грустью замечать, как она вредит успеху слова, последовательности, раздельности мыслей, плавности в их изложении и силе самого выражения их. Слово, замедленное в наружном, последнем своем проявлении, замедляется и во внутренней подготовке, производимой душевными способами. Здесь, обладая способностью и полной возможностью говорить скоро, но замедляя намеренно речь, оратор как бы говорит самому себе: «могу, но не хочу». Это не хочу, хотя и могу, — и есть первый акт подчинения душевных движений воли, или начало самообладания, которое, утвердившись в наружной деятельности, непременно отразится и в управлении течением мыслей, и в представлении воображения. Итак, если хотите при импровизации владеть собой, говорите, особенно в начале слова, тихо, медленно, как бы намеренно вяло, будто разминаясь и расправляя члены. Пусть в душе все кипит и волнуется, но волнению, как пару в котле, нет свободного выхода, клапан медленно раскрывается, сила внутреннего давления сдерживается и машина движется медленно, регулируясь и развертываясь постепенно во всех своих частях. Этот прием одинаково нужен и для

людей скоро говорящих, и для тех, кто выражается медленно: здесь отношение такта речи к деятельности душевных сил, приходящих к импровизации в усиленное напряжение, совершенно одинаково у того и другого. Что для быстро говорящих кажется медленным, то для трудно выражающихся представляется скромным. И, кроме этого, замечено, что внутреннее волнение у медленно выражающихся людей, бывает еще сильнее, чем у человека с развязанной речью. Поэтому можно выразить наш совет так: «Кто говорит скоро, говори как можно тише, кто говорит медленно, говори еще медленнее». При этом прибавим, что весьма полезно в начале слова выражаться в форме вопросов, на секунду приостанавливаться, взглядывать на слушателей, чтобы таким образом, совершенно освоиться с положением и всей своей работой. Найдут ли другие эти мои советы целесообразными, — желательно бы знать. Понятно само собой, что для успешного приучения себя к импровизации, необходимо как можно скорее и чаще упражняться в них, так как здесь все зависит от навыка. Если для усовершенствования способности мышления, памяти, слововыражения требуется частое упражнение этих сил, каждой в отдельности, то тем более это нужно для равномерной деятельности всех их вместе взятых, что требуется при импровизации. Музыканты считают себя обязанными играть ежедневно по несколько часов, чтобы не отвыкли и не огрубели пальцы, не тупел слух и т.п. Того же требует и развитие или содержание в постоянной готовности к делу и успешная игра на духовном инструменте, называемом словом.

«Надо говорить постоянно, каждый праздник, — заметил мне протоиерей Терновский, — это нужно и для нас самих, и для народа». Я сказал, как это нужно для нас, но расскажу, кстати, один случай, который показал мне, как это нужно и для народа. Еще в первые годы, когда я начал говорить свои проповеди (как было сказано прежде) за ранними Литургиями, однажды зимой, не помню почему, может быть по лености, проповеди я не говорил. И вот по окончании Литургии, когда я вышел с крестом к народу, вижу, что с усилием проталкивается ко мне почтенный, седовласый старик - крестьянин. Приложась ко кресту и обратившись ко мне, он громко, на всю церковь говорит: «Батюшка! Я с четырех часов утра шел сюда с Воробьевых гор к Калужским воротам, по пояс в снегу, к вам проповедь слушать, а проповеди-то не было».

«Извини, дедушка», - отвечал я, а самому стыдно и жалко стало, что я упустил случай доставить благочестивому человеку духовное утешение. Впрочем, по времени (опять от навыка) произнесение поучений этого рода обращается в потребность, и когда почему-нибудь проповеди, бывало, не пригодишь, — видишь, что народ заранее готовится к аналогии, становится скучно и тяжело на душе, и выходишь из церкви со смущенной совестью, точно сделал какое-нибудь дурное дело. Оно действительно выходит дурное: не исполнена святая обязанность.

Нечего говорить, что самая законная причина, останавливающая иногда проповедника от произнесения импровизации — нездоровье, душевное расстройство и прочее. Прежде было говорено, что одно из самых необходимых условий успеха устной проповеди есть нормальное состояние душевных и телесных сил проповедника. Но признаю не лишним заметить, что иногда ничтожное недомогание, или как говорят, чувствование себя не по себе пред импровизацией преувеличивается в сознании, и в виду трудности дела является в виде искусительной мысли: «Уж не отложить ли ныне проповедь? Что-то нехорошо себя чувствую». Особенно это искушение случается в летнее время, когда и самое богослужение совершается с трудом, или при некоторой склонности священнослужителя к дурнотам в голове и тому подобным маленьким болезненным припадкам. Наше воображение подобными преувеличенными представлениями часто отбивает нас от дела. Здесь надобно иметь ввиду, что когда священнослужитель был в состоянии придти в церковь и совершить Литургию, и затем не чувствует решительного болезненного положения, то опасение за неспособность произнести проповедь, из ста раз в девяносто девяти бывает напрасное.

Может быть, поучение не будет иметь обычной живости и силы, но сказано оно непременно будет, а в этом уже великий успех: исполнен долг и побеждено искушение. Когда земледелец идет на

работу не совсем здоровый, он не загадывает много сделать, а старается сделать что-нибудь, чтобы не потерять день. Вот эта забота не потерять день для исполнения долга — проповедовать слово Божие — должна у нас стоять на первом плане. Как личный опыт в этом отношении, могу сообщить следующее. Я часто подвергался этим искушениям — по чувству недомогания оставить проповедь. В большей части случаев дело кончалось тем, что все немощи исчезали. Когда выходил на кафедру, сознание от ощущения нездоровья отвлекалось к делу, в заботе о произнесении проповеди немощь забывалась, обычное при импровизации возбуждение поднимало дух, циркуляция крови усиливалась, являлось особенное оживление, и часто выходя к аналогии с дурной головой, я возвращался от него совершенно здоровый. В совести за исполнение долга с трудом и борьбой чувствовалась полное вознаграждение. Читатель, может быть, скажет, что все это мелочи. Но жизнь наша редко представляет нам что-либо великое и поразительное: она вся составляется из мелочей, как время из секунд, как пространство из линий, а в сложности составляются часы и годы, версты и мили. Не принуждай себя к исполнению долга в данную минуту, — этих минут наберется много, — и выйдут годы потерянного для дела времени.

Нахожу нужным предупредить начинающих импровизаторов относительно еще одного странного обстоятельства, которое может им встретиться во время произнесения слова и привести их по непривычке в большое затруднение, а то и подвергнуть опасности растеряться. Я разумею внезапную потерю нити мыслей и как бы исчезновение из сознания самого предмета слова. Это бывает с нами и при обыкновенном разговоре. Когда внимание внезапно отвлекается чем-нибудь в сторону от предмета речи, мы теряем из виду предмет, о котором говорили, останавливаемся, иногда спрашиваем других, о чем мы говорили, а иногда совсем оставляем забытый предмет, не надеясь о нем вспомнить; это же бывает и во время импровизации: в голове вдруг как будто потемнеет, является совершенная пустота и отсутствие всякой мысли, а предмета речи — не видно. За этим естественно следуют испуги, увеличивающие замешательство и смущение, — хоть оставляй дело и уходи с кафедры.

Но как уйти, когда слово только начато, когда слушатели могут заметить, что с проповедником случилось нечто необычное, пойдут толки и прочее? И стыдно и обидно. Со мной не раз это было. Однажды в одной из Московских больниц, при открытии общества попечения о бедных, выходящих из больницы, я вздумал сказать речь, не приготовившись к ней заранее, как говорится, под влиянием впечатления.

Начал как следует, план представился довольно ясный: но только переступил порог я за половину речи, как постиг меня этот, говоря попросту, столбняк. Смутился я, оборвал речь, и должен был сесть на место, когда слушатели видели, что дело еще не кончено. В другой раз, при служении преосвященного Леонида, в своей приходской церкви я говорил проповедь по случаю открытия в приходе «попечительского совета о приходских бедных», — о нравственном значении и пользе этого учреждения, — и так с половины слова потерял содержание речи, и тут же я решил не подвергать себя стыду при огромном стечении народа, и как-нибудь выйти из затруднительного положения. Я остановился, вынул платок, утерся, помедлил несколько секунд, как бы желая передохнуть и ухватился за первую мысль, которая предоставляла подходящую к самому случаю речью (восторга уже нельзя забыть): не заботясь — она ли следует по плану, или нет — я только принялся за ее выражение, как мгновенно возвратилась ясность взгляда на все предстоящие слова. Вышло нечто похожее на то, что иногда забудешь какое-нибудь имя, и потом вдруг неизвестно по какому закону, оно само собой вспоминается. Речь окончена была благополучно, и этот опыт стал для меня самого руководящим на будущее время. Желая, чтобы он и другим пригодился. Здесь нужно заметить, что остановка во время импровизации, от чего бы она не произошла, не составляет какого-либо существенного недостатка речи, разумеется, если она не слишком продолжительна. Напротив, она возбуждает еще внимание слушателей, подстрекаемых этим состоянием размышления, или

недоумения, в котором находится проповедник. Они ждут, чем это замедление разрешится: оно непременно разрешится усилением слова вследствие реакции, если проповедник не оробеет и не совладеет с собой.

Не бесполезно, мне кажется, предложить вопрос, как долго может или должна продолжаться импровизация? При составлении речи или проповеди на бумаге вопрос этот не имеет места. Там пишется столько, сколько нужно по объему предмета и цели сочинения.

В импровизации дело другое. Здесь все зависит от личности и способностей импровизатора: один спокойный и твердый может говорить дольше, другой, пылкий и нервный — говорит меньше потому, что скоро утомляется и, так сказать, расходуется. Поэтому, импровизатор относительно положения своей речи должен смотреть не столько на остающееся еще перед ним количество мыслей, которые он предполагает раскрыть, сколько на душевное состояние.

Начиная с полными словами, он в продолжение речи чувствует, насколько сохраняется у него эта полнота сил, или иначе, когда начинается ослабление или утомление.

При наступлении утомления чувствуется, что мысли не так полно обнимаются и выражаются, являются в их раскрытии скачки и непоследовательность, слова отбираются уже с трудом: это знак, что пора кончить. Оратор не должен насиловать себя. Лучше остающийся материал оставить, если можно, до другого дня (особенно когда предпринят целый ряд поучений по одному предмету) и, если это невозможно, с сознанием изложить последние мысли, сжато в виде речи с краткими замечаниями, давши вид, что слишком было бы долго и утомительно (что и справедливо) в дальнейших подробностях раскрывать предмет. В противном случае, если оратор будет неволить себя, результат будет тот же, только не добровольно, а по необходимости. Кончая свободно, он сохранит еще живость слова: доводя же дело до крайнего утомления, он кончит вяло и все-таки без надлежащей полноты, а влияние речи на слушателей ослабитя вместе с собственным его ослаблением, — живое слово потеряет жизнь и силу впечатления.

Ясно, что и здесь опять руководитель — личный опыт.

По моему наблюдению можно с ясностью говорить 15-20 минут, и уже с напряжением - полчаса. При этом надо посматривать на слушателей. Так как большинство их у нас всегда составляется из простого народа (люди просвещенные у нас редкое явление за проповедью), а простой народ к отвлеченному мышлению не привык, то оратор сам увидит, как глаза слушателей, сначала живые, и как бы говорящие, через десять минут начинают тускнеть, внимание, очевидно, слабеет, и тогда удлинение слова, переходящее за пределы способности понимания в слушателях, становится бесполезным. Исключения могут составлять разве занимательные повествования из житий святых.

Еще один, последний вопрос, который я слышал от многих. Так как поучения в храмах у нас говорятя (за редкими исключениями) на литургии, и притом в конце ее, то приготовление к импровизации, естественно занимающее и озабочивающее проповедника до самого ее произнесения, не препятствует ли собранности его мыслей и благоговению, которые требуются совершенно Литургии, и особенно таинству Евхаристии? По моему мнению — нисколько, если исключить первое время робости и непривычки к импровизациям, о чем я говорил прежде. При навыке, не только обдумывая проповедь дома, но и взяв предмет тут же за Литургиею на Апостола или Евангелие, что случается часто, или какой-нибудь другой по обстоятельствам, — привычный человек, едва замечает как в голове его складывается план и порядок проповеди в те минуты, когда богослужение не требует от него напряженного внимания, как, например, во время ектений. Наблюдающий за собой заметит здесь интересное явление: в душе одновременно происходит два течения, не мешающие одно другому: где-то там в глубине головы возможно возникают, сортируются мысли, и в другой стороне идет молитвенное движение чувства, еще подогреваемого прошением помощи Божией в

деле проповеди и озарения от благодати Таинства. Совесть не смущается, потому что идут два дела одинаковые, равно богоугодные, так как, по выражению св. Григория Богослова, проповедь есть священнодействие слова. За то импровизатор, если от части и чувствует во время литургии приток мыслей по взятому им предмету, то этим самым совершенно защищен от приращения всяких сторонних помыслов, вредящих чистоте молитвы и относимых церковью к области житейского попечения.

V

Доселе я говорил об условиях и приемах в произнесении речи, или поучений без предварительного их приготовления и написания. Очевидно, что все сказанное в этом роде относилось к внешней стороне импровизаций, т.е. к способу выражения, или передачи мыслей. Но для правильности, ясности и последовательности, устной речи необходимо своеобразное приготовление самих мыслей, или содержания речей, такое же более или менее предварительное, но требующее иных приемов, чем те, которыми обыкновенно руководствуются при обработке содержания речей записываемых. Это я называю внутренней стороной импровизации. От правильной постановки ее зависит успех импровизации столько же, если не более, сколько от условий выработки самой речи.

Здесь, прежде всего, надобно иметь в виду выбор предмета для импровизации по силам проповедника. Нечего говорить об этом выборе профессору, обязанному читать свою науку по известной программе, или публичному оратору, которому предмет речи дается неотложными требованиями общественного служения, как например, прокурору суда, адвокату и т.п., или требованием практической жизни, как коммерческому деятелю или гласному думы. Я имею в виду, главным образом, проповедников церковных, и притом (как и прежде я оговаривался) не привыкших к устной проповеди и робеющих приступить к ней.

Для них, до приобретения надлежащего навыка, выбор предмета имеет весьма важное значение. Не обо всем из христианского учения можно легко, основательно и правильно говорить и отчетливо выразиться в поучениях не записанных, не обработанных предварительно. Таковы догматы веры и отвлеченные истины христианского нравоучения, требующие развития обдуманного и осторожного и, как известно, строгой точности в употреблении принятых церковью выражений. При беседах по порядку православного катехизиса, которому многие имеют обыкновение следовать, неизбежно приходится говорить о них и при изложении их встретиться с затруднениями или наделать ошибок в их изъяснении.

Поэтому, необходимо при начале остерегаться импровизации собственно догматического содержания и отвлеченного изложения нравственного учения. Только после многолетнего упражнения можно приступить к таким поучениям.

Какого же порядка можно держаться в выборе предметов, не представляющих затруднений при начале импровизаций и могущих привести постепенно к навыку и опытности в устном изложении трудных частей христианского учения?

Трудность или легкость в работе ума при импровизациях зависит от того, какие силы мышления преимущественно приводятся в действие самими свойствами избранного предмета, — память или соображение. Известно, что изложить в устной речи сведения, собранные в памяти легче, чем мысли, требующие развития на месте и, следовательно, быстрого соображения. Поэтому для первоначальных импровизаций нужно выбрать предметы, усвояемые памятью и легко передаваемые. Таковы рассказы из Библейской истории Ветхого Завета, из Евангельских сказаний о жизни Христа

Спасителя, чудесах Его и примерах высокой веры, увенчанной благословением Господа, каковы: вера жены хананейской, кровоточивой, сотника, слепорожденного, жены-блудницы и прочее.

Библейские события и повествования о них можно назвать обличением истины и добродетели. Поэтому, нетрудно при изложении их переходить к самой мысли, ими выражаемой, а, следовательно, и делать применение к нравственным целям поучения, или выходить из их так называемого назидания. Сюда же можно отнести притчи Христа Спасителя, представляющие живые картины действительной жизни и выражающие заключенные в них мысли с такой ясностью, а иногда и с таким готовым полным применением к жизни, что от оратора требуется живая передача притчи и, если угодно, пояснение основной ее мысли примерами из современной жизни, понятными для слушателей. Что же касается истории церкви Новозаветной, то она представляет неисчерпаемый источник предметов для устных поучений в общих событиях, касающихся судьбы Церкви, в подвигах святых отцов и мучеников, в трудах и добродетелях монахов и пустынников и проч. Искусству применения рассказов в целях назидания наиболее надобно учиться у святителя Димитрия Ростовского, который в своих Четвх-Минеях в каждом повествовании того или другого указывает, так сказать, основную идею о жизни и подвигах; рассказ сопровождается нравственными применениями, подкрепленными изречениями Священного Писания.

От этого рода предметов для импровизации легко перейти к изложению положительного нравственного учения. Примеры и исторические опыты христианской жизни, с одной стороны, обогащают проповедника частыми мыслями о тех или других подвигах добродетели, которые в должности составят, так сказать, иллюстрированную систему нравственного учения, пополняющую учебники нравственного богословия; с другой стороны приучают взятую для поучения отвлеченную нравственную мысль, раскрывать в примерах действительной современной жизни, как в смысле добродетели, так и противоположного ей порока. Так, например, учение о чистоте сердца легко раскрывается указаниями на соблазны, представляемые богатством, роскошью и разнообразием увеселений и наслаждений: светскими собраниями, нескромными зрелищами и проч. Учение о милосердии объясняется примером современной христианской благотворительности сестер милосердия, врачей, служителей больницы, учреждением богаделен, приютов и проч., а с обратной стороны, в смысле препятствий к истинной благотворительности — в современном стремлении всех к изысканным удобствам жизни, и особенно в искажении Евангельского учения о милосердии в так называемых благотворительных увеселениях.

К предметам смешанного характера, заключающим и рациональную и фактическую сторону, можно отнести учение о таинствах и порядке их совершения: так, например, при объяснении таинства крещения само собой встречается учение об искупительной Жертве Сына Божия. При изъяснении таинства покаяния — о духовной власти вязать и решить, дарованной папствам Церкви. Сюда же относится изъяснение праздников и богослужений Православной Церкви, где вместе с обрядами и воспоминаниями событий неизбежно соединяется догматическое их значение, каковы: Рождество Христово, Крещение Господне, Вознесение, Троицын день и проч. Многие могут сказать на это замечание, что все это так известно, что и объяснять не стоит. На это я отвечаю: иное дело знать, и иное показать знание на деле; иначе сказать: иное дело думать и держать мысль в голове, и иное — передать ее в устной речи плавно и последовательно с кафедры перед многочисленными слушателями. Здесь без постепенного навыка и перехода от легкого к более трудному можно смешаться и запутаться в изложении самого простого предмета. Кто обладает вполне силой воображения, ясностью сознания, богатством сведений и самообладанием во всяком положении, того не касаются мои замечания. Он может проповедовать с кафедры хоть целый курс догматического и нравственного богословия. Но я имею в виду, главным образом, молодых священников, от которых ныне так много требуют относительно духовного просвещения народа, и

воспитанников духовно-учебных заведений, из которых выходят священники, и для обучения которых импровизациям, я сделаю применение из этих высказанных мною замечаний.

Так как цель импровизаций для священников состоит в том, чтобы быть всегда, по выражению церковному «учительным», то есть готовым поучать народ во всякий праздник и при всяком удобном случае (так как навык в устной проповеди требует постоянного упражнения), то встречается вопрос о выборе предметов на каждый праздник, или на каждое внебогослужбное собеседование. Известно, что выбор темы для проповедника, приступающего к сочинению слова на известный день, составляет не малое затруднение. От этого затруднения не свободен и импровизатор: но так как предполагается, что при постоянной проповеди он должен еще чаще встречаться с этим затруднением, то для него необходимы и иные способы для приискания тем, чем для проповедников, изредка записывающих свои поучения. Самый обыкновенный выбор предметов для проповеди представляют дневные Евангелия. Ими, конечно, всегда может пользоваться и импровизатор, но так как повторение из года в год бесед по одним и тем же предметам, или на однообразные темы ослабит внимание слушателей, постоянно посещающих церковь, и отнимет интерес к проповеди у самого проповедника, то всего удобнее для него избирать какой-нибудь отдел христианского учения, который надолго (судя по его обширности) представлял бы ему готовый ряд предметов для поучений на каждый праздник, избавляя его от труда выдумывать тему. Так великий импровизатор православной церкви святитель Иоанн Златоуст избирал для постоянных бесед целые книги Священного Писания, от которых уклонялся только в нарочитые праздники или по особым случаям. Для нас такой труд не по силам, но пример поучителен. И мы можем из необъятного множества предметов христианского учения избирать отделы на более или менее продолжительный срок, — на Великий пост, на зимнее время, или даже на целый год. Таковы: более или менее обширные рассказы из истории веры и Церкви, удобно разделяемые на части; а из христианского учения, например, - изъяснение молитвы Господней, изречения Спасителя о блаженствах, толкование псалмов, изъяснения притчей и т.п.

Кроме выбора предмета, для импровизаций требуются особые приемы в составлении плана каждого поучения, без которого оно не может быть последовательным и ясным. И самый опытный импровизатор не должен самонадеянно выходить на церковную кафедру, или вообще начинать речь в каком-либо собрании, чтобы сказать что-нибудь без точно определенной мысли и ясно представленного порядка в ее изложении, о чем говорено было и прежде; ему в таком случае предстоит запутаться в речи, или оборвать ее прежде времени, и, во всяком случае, не удовлетворить слушателей. Если и бывают у людей, особенно одаренных и привычных, блестящие речи в общественных собраниях, по-видимому, без предварительного плана, то при анализе сказанной речи и самому оратору, и слушателю, непременно будет видно, что точка зрения на предмет, или известная сторона его, так сказать, на лету схвачены верно, а план в голове развернулся мгновенно, но и определение предметов, и план речи непременно тут и были. Без этих условий ни основная мысль речи, ни частные мысли ее раскрывающие, не будут усвоены слушателями, и после беспорядочной речи в умах их останется смутное впечатление, а иногда на их устах явится и улыбка сожаления об ораторе. Но что у редких и блестящих ораторов составляет результат вдохновения или быстрой работы ума, то у людей, не претендующих на гениальность, должно быть плодом внимательного, хотя и продолжительного приготовления, т.е. оратор должен непременно ясно знать, о чем именно и как он будет говорить. И священнику перед богослужением или во время самого богослужения может прийти на мысль предмет, приличный случаю и мгновению, особенно при навыке в голове его может развернуться план для поучения. Тогда, перекрестясь, он смело может выходить на кафедру. Но такие случаи должны быть отнесены к исключительным, и если импровизатор желает проповедовать с пользой, то он не должен обращать для себя в правило или

порядок находить в церкви предмет и план для поучений, и должен озаботиться и заниматься этим делом дома.

Как же дома должен быть составлен план для импровизации? Я долго затруднялся по этому предмету, и много потратил труда совершенно напрасно. Помня правила логики и гомилетики относительно составления плана сочинений, я старался обдумать взятый предмет, потом на бумаге разделить его на части, потом в каждой части наметить раскрывающие ее мысли, потом записать приличные предмету тексты Священного Писания и, наконец, все это тщательно обдумать и запомнить. Долго перед Литургией я ходил по комнате в размышлении и во время самого богослужения был в волнении и беспокойстве о том, как бы чего не забыть и не перепутать.

К удивлению и огорчению моему, никогда мне не удавалось исполнить, таким образом, обдуманный план: речь при произнесении принимала неожиданное направление, части перепутывались, собранные мысли пересекались новыми, явившимися на месте, тексты не подходили к делу, то, на что я особенно рассчитывал, забывалось, чего не думал, было сказано, и в заключении выходило, что сказанное поучение было совсем не то, какое было приготовлено. Особенно на деле сказывалось замечательное движение так называемого творчества, т.е. произведение новых мыслей и неожиданное открытие таких сторон в предмете, которые прежде не имелись в виду.

Иногда поучение выходило обширнее того, какое предполагалось, а в большинстве случаев не исполнялось и третьей части заготовленного плана. Поэтому опыт привел меня к иному порядку приготовления поучений.

Без сомнения, предмет поучения обдумать необходимо, но это обдумывание имеет совсем иной характер, чем та другая трудная работа, которая предшествует составлению писаной проповеди. Там мы задаемся мыслью взять предмет для слова интересный (удовлетворяя этим большей частью самих себя) и даже новый, и раскрыть его пооригинальнее, так как обо всем из христианского учения много до нас было писано, и нам не хочется повторять то, что сделано другими. И вот мы, как говорится, ломаем головы большей частью совершенно напрасно, исключая, разумеется, случаи, когда по требованию жизни являются и новые предметы для поучений, и необходимость новых приемов в их изложении. Задача импровизации проще и ограниченнее, именно: давать краткое, и по возможности оживленное наставление слушателям из изучения веры и христианской жизни в видах постоянного или частого напоминания о спасении души и преуспевании в добродетелях. Из чего со временем в умах слушателей сложится более или менее полное представление о предмете веры и христианских обязанностях.

Мне объяснили эту разницу между проповедями обдуманными, отделанными и импровизированными поучениями мои бывшие прихожане, большей частью люди простые. Я дарил им свои печатные проповеди, прочитавши их, они говорили мне: «Благодарим, но вот те проповеди, которые вы говорили нам каждое воскресенье, лучше». Вот решение вопроса относительно обдумывания предмета, взятого для импровизации. Не о том надобно заботиться, чтобы исчерпать всю полноту и глубину содержания в данном предмете, а чтобы изложить его ясно и понятно для слушателей, из которых большинство составляют люди, не получившие научного образования, да и получившие его большей частью отличаются скудостью в познаниях о предметах веры. Итак, для того, кто получит богословское образование, кто читает Слово Божие и книги христианские, не трудно обозреть и раскрыть для себя предмет, взятый не из области высокого отвлеченного учения, а из сферы потребного для спасения, и притом понятного для большинства христиан. При этом не лишним считаю заметить, что частое приготовление к импровизации развивает в проповеднике способность скорого обдумывания предмета и, даже более - склонность носить всегда с собой мысли, занимающие его, как проповедника Христова учения и чувствовать, как они сами собой

выстраиваются и раскрываются при всяких встречах, разговорах и занятиях. Этот навык к размышлению при составлении поучений кратких чрезвычайно облегчает и работу в сочинении проповедей по предметам трудным и на особые случаи.

Итак, импровизатору перед произнесением слова (задолго приготавливать его нельзя) предстоит не обдумывать его в смысле изобретения его содержания, а сообразить объем и содержание предмета ему хорошо известного, и предварительно дать предстоящему слову некоторую форму. Какая же это форма? Так называемое в школах "расположение" (письменный план), или содержимое в уме, или записанное на бумаге, в котором были бы отмечены три главные отдела слова, составляющие существенные части предмета, для отдельного и ясного его представления, без особого дробления на частные мысли. Этим мыслям откроется место при произнесении слова. Эту бумажку проповедник может взять с собой в церковь, если в ней окажется что-нибудь трудное для памяти, например, тексты Священного Писания или необходимые некоторые подробности относительно предмета, особенно исторического содержания. — может оставить ее и дома, но во всяком случае эту заметку предварительно составить полезно: потому, что как легко будет замечено на опыте, мысли при занесении их на бумаге, яснее определяются в голове и точнее выражаются.

Неоцененное пособие для приготовления импровизаций составляют так называемые симфонии, или алфавитный свод согласных текстов разных книг Священного Писания. Об этих симфониях современные молодые богословы большей частью и понятия не имеют. По образцу латинских «конкорданций» они составлены великими тружениками нашей Церкви в прошлом столетии на пятикнижие Моисеево, на все учительные и пророческие книги Ветхого Завета и на весь Новый Завет. Надо мной многие смеялись, что у меня всегда на столе лежит симфония.

Основанием этих насмешливых замечаний было, конечно, верное мнение, что известного образования и зрелых лет проповедник должен так знать Св. Писание, чтобы не иметь нужды в справочном указателе. Но по свойственной человеку забывчивости и при основательном знании Священного Писания, особенно под старость, иногда приходится с некоторым трудом отыскивать требующиеся тексты, и на это много времени тратится при составлении изредка писанных проповедей, но когда нужно приготовить устное поучение на каждый праздник, и при том при отвлечениях, которым подвергается в праздник приходской священник, тогда нет возможности долго отыскивать в Библии необходимые изречения.

Между тем при произнесении поучения можно по памяти текст привести не точно, или изречение одного священного писателя приписать другому. Симфония спасает от таких ошибок: стоит только заглянуть в нее, — и дело сделано. При том буквальном своде текстов есть вместе и свод их содержания. Таким образом, под одним словом вы найдете все, что вам нужно для изъяснения учения Священного Писания об известном предмете, например, под словами «Царствие Божие» или «вечеря» и «живот вечный» вы найдете полное учение Спасителя о Церкви и будущей жизни; в слове «благодать» найдете в посланиях апостола Павла целое учение о спасении людей благодатью Христовой и прочее.

Бывают случаи, что прочтение текстов, собранных в симфонии под одним словом, дает в несколько минут готовое содержание для импровизации. Как нет ничего странного в том, что юрист, основательно знающий законы, постоянно приискивает статьи свода, чтобы не погрешить ни против одной буквы закона, так и для богослова, особенно молодого, не стыдно справляться в книгах Священного Писания, чтобы не погрешить против буквы Слова Божия: а чем удобнее делать эти справки, тем лучше.

К внутренней стороне импровизаций относится выбор и употребление выражений, в которых должно быть излагаемо христианское учение. Само собой разумеется, что язык проповедника, изъясняющего божественные истины и притом с церковной кафедры народу, привыкшему к

возвышенной и благородной славянской речи, нужно слово, соответствующее достоинству предмета, месту и чистому вкусу слушателей. К сожалению, наши воспитанники духовных академий и семинарий в настоящее время при чтении светских книг и журналов устанавливают тот пестрый, размашистый и вычурный язык, которым ныне отличается наша литература не только в фельетонах, но и в ученых статьях. Так, как замечено мной выше, писатели воспитываются на книгах иностранных, или переведенных на русский язык со множеством чужих слов и выражений, оказываются неспособными логически развернуть взятую мысль и самостоятельно передать ее чистой русской речью, и потому сыплют без всякой надобности иностранные слова, имея еще притязание просвещать русский народ, не знающий иностранных слов и языков.

Нашим духовным богословам и философам стыдно отдаваться в такое рабство чужим языкам, имея возможность в славянском языке и в образцовых произведениях духовных и светских отечественных предшествующего цветущего времени нашей литературы приобрести и чистый вкус в выборе выражений и усвоить самостоятельную и чистую русскую речь. И в светских сочинениях жалко видеть такое искажение своего языка, и в легкой литературе это противно, но в устах церковного проповедника такой язык будет прямо оскорблением для православных слушателей. Между тем привычка к такой речи при чтении светских книг и при употреблении ее в обыкновенных разговорах легко может отразиться на импровизации церковного проповедника, когда нет времени выбирать слова и очищать речь, что удобно делается при сочинении, а приходится употреблять слова, которые сами собой ложатся на язык.

Надобно молодому проповеднику внимательно изучать творения наших знаменитых церковных ораторов и особенно великого художника церковного слова митрополита Московского Филарета, которого, при разборе представляемых ему проповедей, всегда возмущали всякие слова, не соответствующие достоинству церковной проповеди. Я помню, как однажды в крайнем случае я употребил в проповеди слово "интрига", и он остановился в размышлении, как бы заменить его, и потом сказал: «Нежелательны подобные слова в церковной проповеди». Но что всего важнее в речи церковного оратора – это точность и верность в выражении догматов и вообще всех истин христианского учения. Здесь малейшая вольность в слове и отступление от принятых церковью выражений может повредить верности самой выражаемой мысли. В этом отношении желающему приучить себя к импровизации вменяется в обязанность приобретать возможно глубокое знание учения веры со всеми особенностями его внешнего облачения изложения.

Речь импровизатора — есть речь более или менее разговорная. Правда, человек ученый вообще, и в частности, богослов, привыкает говорить языком своей науки, но церковная проповедь в этом отношении имеет ту особенность, что она касается с ученой точки зрения всех явлений жизни, важных и неважных, хороших и худых. Поэтому проповеднику в его речи приходится сближаться с обыденным разговорным языком. Вот здесь нужна основная осторожность, чтобы не заговорить о делах житейских тем житейским языком, какой слышится на площадях.

Все поговорки, все остроумные слова, опошленные в употреблении народа, хотя по видимому, и приближающие мысль к его разумению, должны быть изгоняемы из речи церковного импровизатора. Это перенесения рыночной речи в храм оскорбляет народ, чего не замечают неосторожные любители простоты и наглядности в своем слове.

Один давно умерший, московский почтенный протоиерей, неутомимо проповедовавший устно и очень любимый народом, иногда погрешал в этом стремлении к крайнему упрощению речи, что замечали и простые слушатели. Так, например, слово на Сретение Господне он начинает так: «Что такое Сретение? Вы думаете, что это кафтан с шубой встретился? Нет, это не так». Между тем, при привычке говорить с народом и при желании быть для него понятным, но без наблюдения за собой, очень легко можно вдаться в крайность. В этом отношении высокий пример представляет нам

свт. Иоанн Златоуст, который при изображении самых ярких картин современной ему народной и даже языческой жизни, с необыкновенной тщательностью охранял достоинство церковного слова.

Но высочайшие образцы точной и преисполненной достоинства речи при сближении христианских истин с обыденной жизнью представляют нам притчи Христа Спасителя.

И ученый современный язык, даже чисто русский, не перемешиваемый без нужды с иностранными словами, у многих наших писателей отличается странными оборотами и сочетаниями слов, которых необходимо избегать импровизатору, чтобы не удивить народ необычайными для него выражениями. Например, в виде вывода из сказанной речи вместо заключения говорят: «в конце концов». Крестьянин задумается – о каких это концах батюшка говорит? Но при невнимании современных писателей к точности и чистоте речи встречаются выражения и прямо бессмысленные, например, «благодаря пьянству, народ наш совсем разорился». За что тут благодарить пьянство?

Мне кажется, что высказанные мной опыты и замечания относительно импровизаций, впредь до составления более полных руководств по этому предмету, могут быть приняты к сведению молодыми проповедниками, и легко могут быть применимы к приучению воспитанников духовно-учебных заведений пользоваться «живым словом» в предстоящем им проповедничестве.

Это важное дело наставники духовно-учебных заведений должны иметь в виду заранее, с первых классов семинарии, а не дожидаться, когда воспитанники достигнут зрелого возраста и будут на выходе из заседания. Я этим хочу сказать, что вообще развитие свободы слова должно быть начинаемо с ранних лет для всяких целей общественной деятельности, в том числе и для проповеди.

В этом смысле наставники должны обращать особое внимание на передачу учениками приготовленных ими уроков. У нас, надобно правду сказать, господствует буквально заучивание урока при его приготовлении и чтение при передаче, большей частью быстрое и торопливое.

Как это вредно для развития ума и слова в молодых людях – об этом говорить нечего.

При буквальном заучивании урока, заменяющем разумное усвоение его содержания, преобладает вербальная память и не работает ум, потому что здесь нет места размышлению, а передача урока читкой учеников обращает в машину, с треском передающую чужие слова. То и другое наставниками должно быть строго предусмотрено, с главным объяснением ученикам наперед, что и при твердом знании урока такой механический ответ убавляет балл на половину.

И это будет справедливо, потому, что бестолковость из учения и передачи предмета есть ясный знак плохого понимания и усвоения преподаваемого предмета. Сколько мне приходилось замечать, понимание урока проверяется наставниками через частные вопросы, относящиеся к его содержанию, но не спешная и выразительная передача его, не в обиду им будет сказано, почти не обращает на себя их внимания. Между тем, эта привязанность к тетрадке и быстрое чтение наизусть заученного ведут далеко: привычка говорить заученное, впоследствии и проповедника привязывает к рукописи, и произнесение проповедей у нас в большинстве обращается в скорое и монотонное чтение, за что нас и порицают. Поэтому с ранних лет надобно требовать от учеников не только сознательной и отчетливой передачи уроков в смысле их понимания, но и неспешного, ясного, выразительного их произнесения, которое походило бы не на заученную и чужую, а на собственную свободную речь. Правда, с учениками мало одаренными это трудно, но и им можно положить меру в чтении урока, строго останавливая торопливость: за учениками же способными наблюдать это не только не трудно, но и приятно, особенно при уроках исторических, философских и богословских. Вот где, по моему мнению, зарождается способ к импровизациям, именно: в обращении приобретенного познания силой размышления в собственное, и чужого слова – в свое, с свободным употреблением того или другого. Последнее должно быть всячески поощряемо и обращено ученику

в особенное достоинство, а наставнику дает возможность направлять неточные выражения ученика, способ произнесения урока, иначе сказать, помогать ему вырабатывать свободное слово.

Что касается обучения воспитанников импровизациям, то, по моему мнению, для этой цели полезно установить следующие правила:

1. Заметив в молодом человеке быстроту соображения и свободу слова, надобно отнестись со вниманием и уважением к этому дару Божию, внушив то же самое самому и дать понять, что этому дару предстоит высокое употребление, разумеется, при усердии и трудолюбии его обладателя. Затем, при достижении достаточной зрелости молодых людей надобно объявить тем из них, которые окажутся способными, что им предстоит курс обучения живой устной проповеди, которая должна иметь великое значение в предстоящем им царском служении. Поэтому неуместны опыты импровизаций, которые чуть не в виде игрушки заставляют делать некоторых воспитанников на экзаменах, сопровождая их улыбками, а иногда и смехом товарищей при замечаемых недостатках, или ошибках.

Это сразу убивает и уважение к делу, и бодрость на удачу выставленного оратора. Итак, в этом деле должна быть принята строгая и обдуманная система, как и во всяком другом роде обучения и воспитания.

2. Отобранным для обучения импровизациям способным ученикам - много ли, мало ли их Бог даст - надобно дать время привыкнуть к этой мысли, побороть естественную при этом робость, надобно внушить, что от них не ожидают блестящих речей, а только требуют упражнения их способностей, какие в них окажутся, и приучения к устной проповеди на практике.

При том нужно их упредить, что не быстрота и бойкая речь от них ожидается, а плавное, по возможности спокойное и отчетливое изложение предмета взятого ими для слова, что замедление, остановки, поправки в речи, промахи не будут им обращаемы в вину, а будут принимаемы как недостатки, обнаруживающиеся у каждого человека, при обучении всякому новому делу. При этом нет надобности делать предварительные замечания о способе выражения, складе речи, каких должен держаться молодой импровизатор, кроме изложенных предосторожностей относительно чистоты и благоприличия языка, а предоставить ему говорить так, как он будет способен говорить; замечаниям будет место после произнесения.

3. Важное значение имеет выбор места, на котором ученики должны упражняться в импровизациях. В некоторых семинариях, как мне известно, заставляют учеников говорить устные поучения в классах со своего места за партой, в других ставят их на профессорскую кафедру: все подобные приемы я признаю не соответствующими цели. При первых опытах импровизаций надобно проповеднику, как сказано было выше, освоиться с местом, обстановкой, с лицами, которых он может увидеть в числе своих слушателей. Поэтому ученик за партой остается учеником, передающим урок, ученик на кафедре может быть приготовлен к учительству, а не к проповеди. На месте самой проповеди должен приучиться будущий проповедник-импровизатор. Говорить речи на других предметах, в других публичных собраниях он может, и должен будет приучаться после. Где же такие места с надлежащей обстановкой могут быть указываемы воспитанникам для импровизаций?

Целесообразней всего в современной церкви на литургии, или после вечернего богослужения и перед аналоием в стихаре, если окажутся ученики, посвященные в стихарь, а если нет, то нарочито можно для этой цели просить для избранных учеников посвящения в стихарь. Как это важно, видно будет на опыте. Сначала необходимо заставить проповедовать в будничные дни, или в небольшие праздники, так сказать, в своей семье, т.е. в присутствии учеников и наставников, чтобы проповедник видел знакомых и благожелательных лиц, а не сторонних людей, которых критики он может бояться.

Разумеется при этом наставники и ученики, как люди, желающие успеха столь важному делу, должны своим положением, взглядами и сочувственными выражениями лиц ободрять и поддерживать начинающего оратора. Особенно ученикам должно быть строго внушаемо приличное и осторожное в этих случаях поведение. Затем по достаточном приготовлении и навыке учеников можно будет позволять им проповедовать и в большие праздники при сторонних богомольцах. Самые благоприятные условия в этом отношении представляют заводимые в некоторых учебно-духовных заведениях в праздничные дни собеседования с народом.

Они могут быть часты, и избранные воспитанники семинарии, а даже и академики, могут иметь в течение двух последних лет перед окончанием много опытов проповедования, особенно, когда при собеседовании с народом могут в одно собрание чередоваться по два и по три человека. Не грех будет и наставникам, гордость всякую отложив, принять в этом деле участие и поощрить учеников своим примером. Нет сомнения, что от этих опытов можно ожидать самых благоприятных последствий.

4. Сколько важно указание места для обучения устному проповедничеству, столь же выбор предметов для проповеди. Темы могут быть избираемы самими воспитанниками, или предлагаемы наставниками, но непременно они должны быть не только по силам начинающих, как говорено было выше, но и соответствовать роду слушателей. Так, в присутствии наставников и учеников вместе темы должны быть ровно назидательны и для тех и других, т.е. такие, которые представляли бы предметы благоговения для всех, как, например, священные повествования, или касались бы правил нравственной жизни, свойственных всем возрастам и состоянием, как например, о молитве, о покаянии, о прощении обид, о благотворительности и т.п.

Само собой понятно, что при таком различии слушателей нельзя говорить о предметах, которые той или другой стороне чужды, как например, наставникам о любезном обращении с товарищами, или ученикам о высоком назначении наставников юношества.

При раскрытии же тем обще-христианского характера, слово и юного проповедника, произносимое от сердца и с приличной декламацией, может вызвать на лицах старших его по возрасту и положению людей сочувствие и одобрение, что и составляет живую силу, возбуждающую дух проповедника. Во всяком случае, нужно избегать тем замысловатых. Образчик ошибочного выбора места и темы для импровизации оканчивающего курс ученика я видел в одной семинарии при выпускном акте.

Ученика поставили на кафедру и заставили говорить речь новоизбранному церковному старосте об его обязанностях. Ни старосты тут не было, ни кафедра такой речи не соответствовала, следовательно, положение оратора со всех сторон было совершенно ложное.

Дальнейшее и более подробное раскрытие предлагаемой мной системы обучения импровизациям, а также исправление моих недостатков и ошибок, я представляю времени, опытам и мудрости наставников.

Амвросий, архиепископ Харьковский